

УДК 8:37

1.2016

Rhema. Рема

Издается с 2002 г.

Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова
Серия «Филологические науки»

ИЗДАТЕЛЬ:
Московский
педагогический
государственный
университет

**Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77–63323
от 09.10.2015 г.**

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

**Подписной индекс
65062
в каталоге
«Издания органов
научно-технической
информации»
ОАО Агенство
«Роспечать»**

**С 9.10.2015 г. журнал называется
«Rhema. Рема»**

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий
Высшей аттестационной комиссии РФ

Электронная версия журнала: www.mpgu.ru

© МПГУ, 2016

1.2016

Rhema. Pema

The journal has been
published since 2002

Vestnik of Sholokhov Moscow State University
for the Humanities: "PHILOLOGY" Series

THE PUBLISHER:
Moscow
State University
of Education

Renamed «Rhema. Pema» on 9.10.2015

**Mass media
Registration
Certificate**
ПИ № ФС 77-63323
as of 9.10.2015

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via:
www.mpu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – д-р филол. наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований МПГУ; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН

Заместитель главного редактора

Татьяна Юрьевна Журавлева – канд. филол. наук; доцент кафедры русской литературы Института филологии и иностранных языков МПГУ

Ответственный секретарь

Мария Викторовна Королева – ст. преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова

Татьяна Михайловна Вонтелева – д-р пед. наук; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета

Сурен Тигранович Золян – д-р филол. наук; ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Республики Армения; член правления Европейского центра современных языков (Грац, Совет Европы); член Комитета Европейской хартии языков меньшинств или региональных языков (Страсбург, Совет Европы)

Илона Киш – PhD (филология); публицист, переводчик, эксперт ЮНЕСКО, главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, эксперт по русской культуре венгерских издательств «Европа», «Магвето», «Типотекс»

Наталья Дмитриевна Котовчихина – д-р филол. наук; научный руководитель, директор Международного научно-методического центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского

Екатерина Анатольевна Лютикова – канд. филол. наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований МПГУ

Игорь Алексеевич Пильщиков – д-р филол. наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Эстонского гуманитарного института Таллиннского университета, главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор»

Владимир Александрович Плунгян – д-р филол. наук, член-корр. РАН; зав. сектором типологии Института языкознания РАН, зав. отделом корпусной лингвистики и поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Наталья Вадимовна Сердобольская – канд. филол. наук; зав. лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований МПГУ; старший научный сотрудник группы финно-угорских языков Института языкознания РАН; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

Клара Эрновна Штайн – д-р филол. наук; профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета

Chief Editor

Anton V. Zimmerling – PhD in Philology, professor of Moscow State University of Education, head of the Institute of Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education, principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Chief Editor

Tatiana Yu. Zhuravleva – PhD in Philology, associate professor of the chair of Russian literature, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education

Executive Secretary

Maria V. Koroleva – Senior Lecturer at the chair of Theory of Teaching Foreign Languages, department of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

Ilona Kiss – PhD in Philology, publicist, translator, UNESCO expert, chief editor of the *Russian Quarter* journal of Budapest Eötvös Loránd University, expert on the Russian culture of Hungarian publishing houses *Europe*, *Magveto* and *Tipoteks*

Natalia D. Kotovchikhina – PhD in Philology, head of the International M. Sholokhov Studies Centre, Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy

Ekaterina A. Lyutikova – PhD in Philology, associate professor at the Lomonosov Moscow State University, head of the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education

Igor A. Pilshikov – PhD in Philology, senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University, senior research fellow at the Estonian Institute for the Humanities, Tallinn University, chief editor of the Fundamental Digital Library *Russian Literature and Folklore*

Vladimir A. Plungyan – PhD in Philology, professor, member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Typology of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, head of the Department of Corpus Linguistics and Poetics, Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology, associate professor of the Training and Research Centre for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities

Clara A. Stein – PhD in Philology, professor at the chair of the Russian language, Institute for the Humanities, the North-Caucasus Federal University

Tatyana M. Voiteleva – PhD in pedagogy, professor at the chair of the theory of the Russian language and literature teaching, Moscow State Regional University

Suren T. Zolyan – PhD in Philology, professor and senior research fellow at the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the Armenian National Academy of Sciences, board member of the European Centre for Modern Languages (Graz, the Council of Europe), Member of the European Charter for Regional or Minority Languages (Strasbourg, the Council of Europe)

Содержание № 1 | 2016

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Д.М. Бжизакова

Творчество Тома Маккарти в англоязычной критике.....7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.А. Бондарь

Между перфектом и претеритом: *habban (hæfden)* + причастие II в древнеанглийских текстах.....17

А.В. Дегтярева

Структурные свойства японской репрезентативной формы на *-tari* в художественной прозе, онлайн-коммуникации и в устной речи: сравнительный количественный анализ корпусных данных.....36

Е.Б. Козеренко

Синтаксическая многозначность и неоднозначность в перспективе машинного перевода.....51

М.В. Королева

Языковая ситуация в Шотландии: история и современный статус шотландского гэльского языка.....64

Н.В. Сердобольская, П.М. Аркадьев, М.В. Шкапа

К типологии подъема и смежных явлений: неканоническое маркирование актантов в актантных и обстоятельственных предложениях.....74

О.А. Теуш

Лексика с семантикой «излучина реки» в диалектах Европейского Севера России.....92

НАШИ АВТОРЫ.....102

ABOUT THE AUTHORS.....104

ANNOTATIONS & KEY WORDS.....105

Contents № 1 | 2016

LITERARY CRITICISM

D. Bzhigakova

The fiction of Tom Maccarthy in anglophone criticism.....7

LINGUISTICS

V. Bondar

Between perfect and preterit: *habban* (*hæfden*) + past participle
in the Old English texts.....17

A. Degtyaryova

Structural features of Japanese representation form
with the suffix «tari» in fictional prose, online texts of diaries
and spoken language: comparative quantitative corpus-based analysis.....36

E. Kozerenko

Syntactic Polysemy and Ambiguity in Machine Translation
Perspective.....51

M. Korolyova

Language situation in Scotland: history and modern status
of Scottish Gaelic.....64

N. Serdobolskaya, P. Arkadiev, M. Shkapa

Raising and related phenomena: non-canonical
argument marking in argument and adjunct clauses.....74

O. Teush

Lexis of the semantics of «the bend of the river»in the dialects
of European north of Russia.....92

OUR AUTORS.....102

ANNOTATIONS & KEY WORDS.....105

Д.М. БЖИГАКОВА

Творчество Тома Маккарти в англоязычной критике

В статье рассматривается восприятие произведений современного британского прозаика Тома Маккарти в английской и американской критике, анализируются как научные исследования, так и освещение работы писателя в масс-медиа. Определяется место писателя в литературном процессе, сравниваются положительная и отрицательная оценки его творчества, а также рассматриваются наиболее исследованные в критике творческие ориентиры Маккарти, такие как травматический опыт, отношение текста и его репродукции, поиск человеком идентичности.

Ключевые слова: современный английский роман, проблематика современного романа, творчество Тома Маккарти, поэтика романа, образ автора, литературная критика, художественный текст.

Британский романист Том Маккарти стал известен российскому читателю благодаря публикации романа «Когда я был настоящим» (Remainder, дословно «Остаток») и сборника эссе «Тинтин и тайна литературы» (Tintin and the Secret of Literature) в 2011 и 2013 гг. соответственно. Резонанса в русскоязычной критике данные произведения не вызвали. Появилось всего несколько рецензий на сайте издательства «Ад Маргинем» (Ad Marginem), в журнале «Коммерсант» [1] и на интернет-портале «Открытое пространство» (Open Space) [4]. Среди исследовательских работ можно назвать только две статьи профессора В.А. Пестерева, посвященные рассмотрению «Остатка» как «романа-гипотезы» [2; 3].

В Великобритании и Америке, напротив, Том Маккарти получил широкое признание, в научной и массовой литературе освещаются как его романы, так и критическая, а также внелитературная деятельность.

В первую очередь, анализ творчества писателя в разных его аспектах был представлен в ряде научных изданий. Во втором выпуске 24 тома «Культуры постмодернизма» (Postmodern Culture) появился объемный комментарий Джейсона М. Баскина к сборнику статей Общества некронавтов [6], генеральным секретарем которого является Маккарти. В 2012 г. в сборнике «Современное исследование романа» (Modern Fiction Studies) были опубликованы сразу две статьи: «Том Маккарти и загробная жизнь модернизма» [15] Джастуса Ниланда и «Анализ травмы и посмертного существования романа в “Остатке” Тома Маккарти» Петера Вермойлена [28].

Хотя доступ к полным версиям упомянутых выше исследований в России пока невозможен, аннотации позволяют дать несколько обобщенных комментариев о направленности интереса к творчеству писателя в научной среде: Джейсон Баскин, сравнивая «авангардный роман» Маккарти «Остаток» с его художественными практиками в Обществе некронавтов, отмечает, что последнее не только предшествовало, но и «неразрывно связано» с началом литературной карьеры писателя. Упоминается мнение Маккарти и его коллег о существовании двух путей развития искусства: художник может либо «поглощать» реальность до тех пор, пока от нее ничего не останется, либо, признав специфичность, неповторимость материального мира, позволить «значению иметь значение», «сущности существовать» («let matter matter») [6]. И в Манифесте некронавтов, и в художественной прозе писатель отдает предпочтение второму направлению.

Статьи из сборника «Современное исследование романа» роднит общий интерес к развитию в произведениях Маккарти традиций модернизма и объединению условных черт психологического реализма с темой столкновения «человеческих» и «нечеловеческих» средств передачи информации. Внимание П. Вермойлена обращено и на вклад «Остатка» в «литературу травмы» («trauma fiction») – на рассмотрение травматического опыта не только как индивидуально-личностного переживания, но и изучение его более абстрактной, «беспредметной» природы.

Значительным источником критического анализа произведений Маккарти являются материалы симпозиума 2011 г. «Созывая агентов» (Calling Agents), целиком посвященный творчеству писателя. Программа включала в себя выступления с докладами по трем выпущенным на тот момент художественным романам: «Остаток», «Люди в космосе» (Men in Space, 2007), «С» (C, 2010), – литературно-критическому сборнику «Тинтин и тайна литературы» и о работе писателя в Обществе некронавтов.

В свободном доступе представлен ряд материалов симпозиума: полный список докладчиков и докладов, а также ряд получасовых видео

с выступлениями. Основными темами обсуждения стали «повторение и девиации», «вымышленные пространства и реальный мир», тема получения и передачи сигналов, «спекулятивный» реализм и «новый внечеловеческий гуманизм», подразумевающий художественное исследование сетей информации как самостоятельных сред-сущностей.

Многие выступающие, подражая стилю анализируемых романов, выделяли слова-концепты, вокруг которых строились доклады. Среди них «текст», «сообщение», «повтор», «искусственное» и «аутентичное», «крипта» (в значении «потайное место» и «тайнопись»), «шум» [8]. При этом подчеркивается, что все эти концепты тесно связаны друг с другом.

Интерес к творчеству Тома Маккарти существует и в масс-медиа: и политематические издания, такие как «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times), «Гардиан» (The Guardian) и «Дейли Телеграф» (The Daily Telegraph), и специализирующиеся непосредственно на литературе «толстые» журналы, например, «Лондонское книжное обозрение» (London Review of Books), регулярно публикуют интервью с писателем, рецензии на его новые книги. Анализ этой группы критической литературы дает возможность выделить ряд характеристик, общепризнанно присущих произведениям Тома Маккарти. В частности, во многих рецензиях встречается определение «роман идей». В «Гардиан» заявлено: «как и дебютный роман, он (роман «Люди в космосе» – Д.Б.) является продуманным романом идей» («Just like his debut, though, it is a studied novel of ideas») [18], журналист «Айриш Таймс» Кавин Гилдеа отмечает, что, «не смотря на отсутствие нити повествования, этот роман идей (“Сатиновый Остров” – Д.Б.) производит неизгладимое впечатление» [10], а в «Паблик Букс» о «Сатиновом острове» сказано, что этот «роман идей также является романом о том, как идеи ощущаются» («the novel of ideas is also the novel of how ideas feel») [13].

Другая черта произведений Тома Маккарти, по мнению исследователей, – это отстраненность взгляда писателя на описываемые им миры. Сюжет романов выражается стабильно нечетко, выступает, скорее вспомогательным средством для репрезентации умозаключений героев, а в последнем романе «Сатиновый остров» и вовсе становится, согласно критику М. Мишоу, «невывразительным даже по стандартам Маккарти» [14]. Схожее наблюдение появилось и в журнале «Гардиан» за 2007 г.: «писатель отбрасывает все, кроме самого строго схематичного изображения обстановки, персонажей и действия...» («dispenses with all but the most austere diagrammatic renderings of setting, character and action») [18].

Несмотря на наличие общих тем и вышеупомянутых унифицирующих характеристик, каждый из романов Тома Маккарти самобытен и раскрывает тот или иной аспект интересующих писателя проблем. Более того, каждое произведение было достаточно подробно освещено в критике.

Встреченный сначала непониманием издателей и опубликованный лишь через четыре года после окончания, первый роман писателя «Остаток» вызвал преимущественно теплые отзывы. Так, в рецензии для газеты «Лондонское книжное обозрение» за 2006 г. подчеркиваются отличительные черты произведения: смещение привычных смысловых ударений и проистекающая из этого нетривиальность сюжета – «каждая прочитанная книга, каждая услышанная история вела к финальной катастрофе. <...> Это именно то, что мы запрограммированы ожидать» [21]. Но «Остаток» «предлагает куда больше этого» [Там же]. В процитированной статье указываются важнейшие для всех романов Маккарти темы: проблемы субъективного восприятия времени, неоднородности памяти, подмены реальности иллюзией, потери аутентичности, замещения человеческой личности автоматом. При этом герой, по мнению рецензента, не статичен, он развивается, «изменяется, но становится лишь все менее и менее человеческим» [Там же].

В другой статье того же периода утверждается, что роман «Остаток» исследует темы «петли, повторения, переработки» – всего того, что организует не только человеческую жизнь в целом, но и, в частности, творческий процесс писателя, а также «структуры реальности и неопределенности фиктивного» («Loops, repetition, reworkings, patterns of reality and fakery loom») [26].

В 2007 г., всего через год после дебюта Маккарти как писателя, британское издание «Телеграф» (The Telegraph) называет его роман «хитом» [23]. «Остаток» публикуется в США, где принимается как достойное внимания произведение. Начинаются съемки одноименной экранизации, выход которой намечается на 2015 г. В это же время Маккарти дорабатывает и публикует начатый еще в 1999 г. роман «Люди в космосе». Отзывы на эту и следующую (роман «С») книги появляются в таких изданиях, как «Лондонское книжное обозрение» и «Обсервер» (The Observer), «Нью-Йорк Таймс».

Как отмечают критики, «Люди в космосе» и «С» разительно отличаются от предшествующего им романа: на смену «холодному, обезличенному» голосу протагониста «Остатка» приходят в первом случае «какофония голосов, акцентов, языков и диалогов», роман «ошеломляет неумолчным шумом» [18], а во втором – формально еще более близкая традиционной структурная линия, раскрывающая тему взросления героя.

В «Людах в космосе» Маккарти создает «фрагментарный мир» [18], в романе постоянно, причем внезапно, происходит смена рассказчиков. Такое прерывистое повествование от третьего лица становится «чем-то средним между объективным отражением реальности и внутренним монологом в духе Джойса» [7]. Семь главных героев, среди которых нелегал, которому поручено подделать икону для перепродажи в другую страну, сотрудник службы безопасности, составляющий отчеты и отправляющий их в никуда, забытый на орбите советский космонавт, накручивающий витки вокруг планеты, движутся каждый по своей траектории, центром которой так или иначе остается подделываемая икона, все они висают в пространстве и во времени, их голоса сливаются в единый шум, который не достигает цели.

Изданный в 2010 г. роман «С», хотя и представляет героя по имени Серж Карфакс, все же, как утверждает К. Тайлер, является романом идей, его герой, как и протагонист, не становится «объемным характером», остается «еще одним “каждым человеком”» [25]. Сохраняется и неизменная для Маккарти проблема столкновения «языка, технологии и субъективного» [Там же]. От остальных романов Маккарти «С» отличает особенно «классическое» «ровно выстроенное повествование», где излишне детализированные, скрупулезно описанные моменты сменяются «юмором и странной красотой» [Там же].

Очевидно, по мнению критика, и то, что в этих двух произведениях Маккарти снова акцентирует внимание на «кодах и коммуникационных системах» [Там же], не только выполняющих функцию связи между людьми, но и создающих собственное пространство. И вопреки своей изначальной функции, это пространство становится «подобием Бермудского треугольника», в котором исходное сообщение теряет смысл, отдельные люди оказываются забыты, а человечество в целом «покинуто».

Наибольшее влияние на восприятие творчества Тома Маккарти оказала вышедшая в 2008 г. статья «Два пути развития романа» [20] английской писательницы Зэди Смит. Эта работа представляет собой подробный, хотя и не лишенный субъективности, анализ «Нидерландца» Джозефа О'Нила и «Остатка» Тома Маккарти. Сосредоточивая внимание на столкновении реальности и ее отражения в художественном произведении, Смит, как в свое время и члены Общества некронавтов, пытается понять, каким образом будет развиваться литература: вернется к «лирическому реализму» О'Нила или продолжит вместе с Маккарти двигаться в сторону «новой авангардной» [Там же] литературы. И симпатии писательницы на стороне произведения Маккарти.

Одним из основных достоинств «Остатка» Смит называет то, что роман «полностью осознает» идею, которая «создает его основу» [Там же]

– противопоставление реализма и реальности, а оттого предельно логичен. Открывается он «безэмоциональным», «комически бесхитростным» размышлением рассказчика о пережитом несчастном случае, а все «первые пятьдесят страниц» являются «некой антилитературной мистификацией» [20]. Формально оставаясь в сфере тем, которые читатель «ожидает от романа» – главный герой переживает несчастный случай, вследствие чего теряет память, а после получает крупную денежную компенсацию в обмен на молчание – Маккарти обыгрывает используемые им клише, «весело разбирая [их] кирпичик за кирпичиком» [Там же]. Он играет, но при этом всегда четко отдает себе отчет в том, какие идеи и в какой форме преподносит читателю.

Роман по-настоящему начинается только в 3-й главе после «повествовательного нервного срыва», когда в одной из сцен рассказчик пытается сфальсифицировать воспоминание, но отказывается от своего намерения и наконец освобождается от оков жанра, может «вести историю так, как хочет». Вскоре после этого герой видит трещину, пробудившую в нем ложное, но чрезвычайно яркое «воспоминание», которое и провоцирует лежащую в основе сюжета одержимость «реконструкциями».

Еще одно значительное для трактовки романа Маккарти замечание Зэди Смит состоит в том, что главный герой «Остатка» в принципе не является «протагонистом», он лишь «конструктор», «реконструктор» [Там же] («enactor», «re-enactor»). Отсюда проистекает и проблема «медийности» персонажа, его одержимости идеей «неаутентичности», «вторичности».

Однако существует мнение, что статья Смит исказила восприятие творчества Маккарти, навесила на него ярлык, мешающий воспринимать реальные интересы и направления развития писателя. Весьма подробно проанализировав финал «Сатинового острова», где герой отказывается от реального соприкосновения с владевшим его разумом символом, потому что это бессмысленно, как, впрочем, и решение ничего не делать, Хагланд приходит к выводу, что Зэди Смит поставила литературу «между двумя случаями отсутствия смысла» [11]. Подчеркивая, что сам Маккарти отзывался о «Двух путях развития романа» как о «хорошем эссе ... , которое дает почву для размышления и возможность с ним поспорить» («It's a good essay. It sets up a framework for thinking, and ultimately for disagreeing») [Там же], журналист «Нью-Йоркера» достаточно иронично комментирует последний роман писателя и подводит читателя к выводу, что, несмотря на все достоинства произведений Маккарти, «если вы, конечно, любите вещи такого рода» [Там же], они не открывают никакого «нового пути» [Там же] для романа как жанра.

Более резко выраженный скепсис и даже открытый негатив вызывает у ряда критиков нарочитая интеллектуальность и сухость романов

Тома Маккарти. Журналист «Нью Стейтсмен» (New Statesman) Лео Робсон отрицает доводы Зэди Смит и обвиняет писателя, с одной стороны, в неспособности создать достоверный образ героя в «Остатке», с другой – во введении неуместного после громких заявлений о «разрыве с массовым романом» «мелодраматически-реалистичного сюжета» [17] в произведения «Люди в Космосе» и «С».

В то же время критике подвергается и «разочаровывающая доступность» [Там же] прозы Маккарти, противоречащая, по мнению автора статьи, приписываемому Маккарти сходству с такими его вдохновителями, как Робб-Гризе, Кафка и Джойс.

Большинство же рецензий положительно-нейтральны: Маккарти называют одним из писателей, которые с легкостью попадают в списки на получение престижных литературных премий, однако остаются «слишком необычными, авангардными, чтобы эти премии действительно получать» [19]. Также стоит отметить, что, по большей части, даже отзывы, посвященные конкретному произведению, включают упоминание о других. И поэтому очевидно, что начинается процесс осмысления и оценки творчества Маккарти в целом.

Во многих статьях, вышедших в 2015 г., выделяют две группы романов прозаика. «Остаток» и «Сатиновый остров» с их экспериментальной, практически лишенной сюжетного каркаса структурой называют более соответствующими идеям «внечеловеческого гуманизма». Тогда как написанные в более близкой традиционной манере «С» и «Людей в космосе» критикуют за «великолепный», но непростительно «обывательский» [12] стиль, из-за которого поднятые проблемы «теряются за изяществом повествования» [24].

В целом к 2015 г. Том Маккарти успел приобрести неоднозначную известность. С одной стороны, его новые романы широко и чаще всего благосклонно освещаются в критике, наиболее хвалебные рецензии превозносят Маккарти как «мастера, направляющего современный роман к новым удивительным землям» [18], а сам писатель активно участвует в жизни литературного сообщества. В то же время, за ним, как было отмечено, например, в британском литературном журнале «Уайт Ревью» (The White Review), закрепился образ «самого несносного интервьюируемого» и «бича современных эстетических ценностей» [5], автора излишне сухого и склонного к нигилизму, необоснованно противопоставляющему себя литературному мейнстриму [17].

Подводя итоги, можно заключить, что начиная с 2007 г. интерес к творчеству Тома Маккарти постепенно, но неуклонно растет. Внимание читателей и критиков привлек уже дебютный роман «Остаток», «С» укрепил занятые позиции и расширил читательскую аудиторию, а вышедший в 2014 г. «Сатиновый Остров» в течение первых же не-

дель получил целый ряд хвалебных оценок и вскоре попал в шорт-лист Букеровской премии.

Авторы большинства рецензий и обзоров сходятся на том, что в основе романов Тома Маккарти лежат проблемы «аутентичности» и «искусственности», передачи и потери сообщений, существования и развития почти не зависящих от человека информационных сред, восприятия человеком самого себя в наполненном «шумом» мире. Заметное место в исследовании творчества писателя занимают также тема травмы и отношение формы произведений к их содержанию.

Хотя романная проза Тома Маккарти находится только на первом этапе исследования и осмысления, уже существует несколько статей в крупных британских научных изданиях о современной литературе, был проведен симпозиум, полностью посвященный творчеству писателя, рецензии на его произведения с известной регулярностью появляются в изданиях для массового читателя.

Библиографический список

1. Наринская А. Жизнь Некронавта // Коммерсантъ Weekend. 2010. № 47. С. 44.
2. Пестерев В.А. «Остаток» Тома Маккарти как «роман-гипотеза» // Литературные жанры: типология, контактные связи. Единство и национальной своеобразие в мировом литературном процессе: Материалы межвузовской научной конференции / Под ред. Г.В. Стадникова. СПб., 2014. С. 21–23.
3. Пестерев В.А. «Роман-гипотеза» и «Остаток» Тома Маккарти // Метаморфозы жанра в современной литературе. М., 2015. С. 168–184.
4. Сонькин В. Том Маккарти. Когда я был настоящим // Open Space. URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/19906/?expand=yes> (дата обращения: 09.11.15).
5. Armesto F.F. Interview with Tom McCarthy // The White Interview. 2011. URL: <http://www.thewhiteinterview.org/interviews/interview-with-tom-mccarthy-2/> (дата обращения: 09.11.15).
6. Baskin J.M. Death's Vanguard: A review of Tom McCarthy, Simon Critchley, et al. The Mattering of Matter: Documents from the Archive of the International Necronautical Society // Postmodern Culture. 2001. Vol. 24. № 2. P. 68–76.
7. Burn S. In Gaddis's Footsteps // The New York Times. 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/02/26/books/review/men-in-space-tom-mccarthys-complex-novel.html?_r=0 (дата обращения: 09.11.15).
8. Downing H. Crypt, Craft, Crackle: The INS at the ICA // Academia. 2011. URL: https://www.academia.edu/2346329/Crypt_craft_crackle_Nothing_here_now_but_the_recodings (дата обращения: 09.11.15).

9. Gallix A. Illicit Frequencies, Or All Literature Is Pirated: An Interview With Tom McCarthy // 3 AM Magazine. 2006. URL: <http://www.3ammagazine.com/3am/illicit-frequencies-or-all-literature-is-pirated-an-interview-with-tom-mccarthy/> (дата обращения: 09.11.15).
10. Gildea K. A story that doesn't believe in stories // The Irish Times. 2015. URL: <http://www.irishtimes.com/culture/books/satin-island-by-thomas-mccarthy-review-a-story-that-doesn-t-believe-in-stories-1.2196627> (дата обращения: 09.11.15).
11. Haglund D. The Long Shadow of "Two Paths for the Novel" // The New Yorker. 2015. URL: <http://www.newyorker.com/books/page-turner/long-shadow-two-paths-novel> (дата обращения: 09.11.15).
12. Lasdun J. Satin Island by Tom McCarthy review – everything is connected // The Guardian. 2015. URL: <http://www.theguardian.com/books/2015/mar/11/satin-island-tom-mccarthy-review-connected> (дата обращения: 09.12.15).
13. McGurl M. The Novel's Forking Path // Public Books. 2015. URL: <http://www.publicbooks.org/fiction/the-novels-forking-path> (дата обращения: 09.11.15).
14. Mewshaw M. In Satin Island, an Effort to Map Humanity Goes Awry // The Atlantic. 2015. URL: <http://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2015/02/satin-island-review/385579/> (дата обращения: 09.11.15).
15. Nieland J. Dirty Media: Tom McCarthy and the Afterlife of Modernism // MFS Modern Fiction Studies. 2012. Vol. 58. № 3. P. 569–599.
16. Oates J. C. Lest We Forget // New York Books. 2007. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2007/jul/19/lest-we-forget/> (дата обращения: 09.11.15).
17. Robson L.C. // New Statesman. 2010. URL: <http://www.newstatesman.com/books/2010/08/mccarthy-novel-serge-smith> (дата обращения: 09.11.15).
18. Rourke L. He's floating in a most peculiar way // The Guardian. 2007. URL: <http://www.theguardian.com/books/2007/sep/09/fiction.features> (дата обращения: 09.11.15).
19. Sebenius A. Man Booker Shortlist 2015: Satin Island // The Atlantic. 2015. URL: <http://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2015/10/man-booker-shortlist-2015-satin-island/408784/> (дата обращения: 09.11.15).
20. Smith Z. Two paths for the Novel // New York Books. 2008. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2008/nov/20/two-paths-for-the-novel/> (дата обращения: 09.11.15).
21. Soar D. The Smell of Frying Liver Drifting up from Downstairs // London Review of Books. 2006. Vol. 28. № 9. P. 27.
22. Sonzogni M. Memories of Frank Kermode // London Review of Books. 2010. Vol. 28. № 18. P. 9–11.
23. Sooke A. Lost in the orbits of spies and mobsters // The Telegraph. 2007. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/fictionreviews/3667868/Lost-in-the-orbits-of-spies-and-mobsters.html> (дата обращения: 09.11.15).
24. Tayler C. «C» by Tom McCarthy // The Guardian. 2010. URL: <http://www.theguardian.com/books/2010/jul/31/c-tom-mccarthy-novel-review> (дата обращения: 09.11.15).

25. Tayler C. Is there hope for U? // London Review of Books. 2015. Vol. 37. № 10. P. 21–23.
26. Tomaselli S. Tom Mccarthy's Tintin and the Secret of Literature // 3 AM Magazine. 2006. URL: <http://www.3ammagazine.com/3am/3am-review-tom-mccarthys-tintin-and-the-secret-of-literature/> (дата обращения: 09.11.15).
27. Turner J. Seeing Things Flat // London Review of Books. 2010. Vol. 32. № 17. P. 7–8.
28. Vermeulen P. The Critique of Trauma and the Afterlife of the Novel in Tom McCarthy's Remainder // MFS Modern Fiction Studies. 2012. Vol. 58. № 3. P. 549–568.

В.А. БОНДАРЬ

Между перфектом и претеритом: *habban* (*hæfden*) + причастие II в древнеанглийских текстах

Данная статья посвящена анализу функциональных характеристик конструкции «*habban* (*hæfden*) + причастие II» в древнеанглийском языке на материале произведений «Англосаксонской хроники» и «Католических гомилий I» аббата Эльфрика. В статье проводятся функциональные разграничения в употреблении, с одной стороны, конструкции с посессивным глаголом и, с другой стороны, простых претеритов, а также претеритов с приставкой *ge-*. Детальное рассмотрение контекстов позволяет утверждать, что конструкция «*habban* (*hæfden*) + причастие II» зачастую функционировала в качестве аспектуально-прагматического показателя, а также могла выполнять текстообразующие функции, но при этом не обладала вполне развитыми такисно-темпоральными характеристиками.

Ключевые слова: древнеанглийский язык, перфект, претерит, претерит с приставкой *ge-*, таксис, вариативность глагольных форм.

Все вопросы, связанные со становлением той или иной аналитической формы, в конечном счете, сводятся к изменению функционального статуса ее компонентов и переходу сочетания их из области синтаксиса в область морфологии. Верхняя граница данного процесса совпадает с моментом, когда свободное сочетание становится *аналитической конструкцией*, наделенной категориальным значением, до того представлявшим собой сумму разрозненных контекстнообусловленных лексических характеристик. Сам момент перехода из синтаксиса к морфологии неочевиден, отсюда – разные точки зрения на статус данной конструкции в разные периоды. Применительно к древнеанглийской конструкции «*habban* + причастие II», например, предпринимались

попытки доказать наличие у нее трех базовых значений (экзистенциальное, экспериенциальное и универсальное), характерных для современного английского перфекта [10; 11]. Высказывалось мнение, что уже в поздних древнегерманских текстах это сочетание являлось результативной аналитической конструкцией с глубокой степенью грамматикализации и четкими перфектными характеристиками: «Даже в самых поздних древнегерманских текстах уже наличествует результативная аналитическая конструкция, в которой прослеживается четкая перфектная семантика и которая уже в значительной степени грамматикализована (хотя в ней также прослеживаются определенные следы менее грамматикализованных этапов ее развития)» [2, р. 8]. Заметим, что не последнюю роль здесь играет чисто внешнее сходство, которое может проявляться как в отождествлении древнеанглийского словосочетания и современной аналитической конструкции, так и просто в терминологической неточности. Так, Чжон Хун Ли, анализируя взгляды Б. Митчелла на функциональные особенности древнеанглийской конструкции, говоря о различиях двух форм (современной аналитической и древнеанглийского словосочетания), называет и ту, и другую «перфектом»: «Митчелл признает, что функционирование древнеанглийского *перфекта* (курсив мой – В.Б.) с глаголом “have” отличалось от функционирования *перфекта* в современном английском языке» [11, р. 72]. При этом стоит отметить, что сам Б. Митчелл древнеанглийскую конструкцию называет перифрастической (*periphrasis*) [13, р. 298].

Об отличии современного перфекта от древнеанглийской конструкции, из которой он развился, говорится в работах Г. Хоффмана, К. Кэри и Дж.Л. Байби и др., где утверждается, в частности, что данная конструкция в древнеанглийском имела лишь результативное значение: сперва статальное, затем акциональное [3, р. 12, 68; 4, р. 19; 9, р. 39–40]. За точку отсчета принимается здесь современное состояние (что, заметим, естественно в диахроническом исследовании), каковым является современный (т.е. доступный наблюдению) английский «перфект», обладающий свойствами, которые отличают его от более раннего «неперфекта», и это, прежде всего, акцент на действии и его важности для текущего момента, т.е. так называемая текущая релевантность (*current relevance*). Современный перфект связывает прошедшее действие с моментом говорения важностью, релевантностью события для настоящего, в то время как предпрошедшее время (*Past Perfect*) указывает на предшествование одного действия другому, т.е. выполняет так называемую таксисную функцию [3, р. 69; 5, р. 52–53]. При этом попытки найти аналогичные примеры, в которых конструкция с посессивным глаголом выражает текущую релевантность, следует признать не вполне удачными, т.к., во-первых, такие примеры носят низкочастотный характер,

не отражая определенную регулярность, последовательность или хотя бы определенную тенденцию, и, во-вторых, могут являться совпадением контекстов, т.е. современным прочтением контекстов, в которых вполне вероятно конструкция могла выполнять иную функцию [13, р. 296–297].

Таким образом, чтобы выяснить, что собой представляла анализируемая конструкция в древнеанглийских текстах, обратимся к примерам, используя в качестве материала тексты двух разных жанров (оба на уэссекском диалекте): «Англосаксонскую хронику» (Рукопись А – Parker Manuscript A), и «Католические гомилии I» аббата Эльфрика (Aelfric's Catholic Homilies I), созданные в конце IX в. и в X в. соответственно, что позволяет пронаблюдать рассматриваемое явление на протяжении достаточно длительного времени.

Начнем анализ с глагольных форм прошедшего времени. В целом, для обозначения прошедшего времени в анализируемых произведениях, наряду с конструкцией «*hæfden* + причастие II», используется либо простой претерит (например, *dyde*), либо глагол с перфектифирующей приставкой *ge-* (например, *gedyde*). Возникает вопрос: могли ли глаголы в трех вышеперечисленных формах употребляться для обозначения прошедшего времени без каких-либо смысловых или прагматических нюансов, т.е. быть полностью взаимозаменяемыми или в зависимости от формы, в которой использовался глагол, менялись и смысловые акценты контекста?

В «Англосаксонской хронике» *hæfden* + причастие II употребляется в 29 случаях, что, возможно, объясняется жанровыми характеристиками текста, посвященного описанию прошедших событий. Эта конструкция используется как в простых, так и сложносочиненных предложениях после союза *и*, но чаще всего во временных, определительных и дополнительных придаточных предложениях:

- (1) *Næfde se here, Godes þonces. Angelcyn ealles for swiðe gebrocod*

Сие войско не сломило полностью, Божьей милостью, весь английский народ

- (2) *Pa ætsæton ða Centiscan þær bæftan ofer his bebod, & seofon ærendracan he him hæfde to asend*

Затем, несмотря на его приказы, жители Кента остались позади, хотя он послал к ним семерых посланников.

- (3) *Pa berad mon þæt wif þæt he hæfde ær genumen butan cynges leafe...*

Тогда они отправились за женой...

В простых предложениях *hæfden* + причастие II выражает состояние, достигнутое в результате выполнения действия:

- (4) *& hie hæfdun hiera cyning aworpenne Osbryht.*

и низложили они своего короля Осберта.

Преобладание примеров с данной конструкцией в сложноподчиненных предложениях не случайно: два действия, выраженные глаголами в прошедшем времени, так или иначе, вступают в отношения следования-предшествования, одно из действий зачастую не только предшествует другому, но и достигает своего завершения к моменту начала второго действия. Результативная конструкция, указывающая на достижение того или иного состояния, является в данном случае оптимальным грамматическим средством выражения, ср.:

- (5) *þæt wæs forðy þe hie wæron benumene ægðer ge þæs ceapes, ge þæs cornes, ðe hie **gehergod hæfdon**.*

Это произошло из-за того, что они были лишены как скота, так и зерна, которое они награбили.

Иногда, для того, чтобы подчеркнуть предшествование одного действия другому, употребляется наречие *ær* 'до этого, прежде, ранее' (см. пример 5). Наречие, наряду с анализируемой конструкцией, могло употребляться в той же функции и в сложносочиненных предложениях:

- (6) ***Hæfde** Hæsten **ær geworht** þæt geweorc æt Beamfleote & wæs þa ut afaren on hergaþ...*

Гастен ранее соорудил данное укрепление у Барнфлита и затем оттуда отправился грабить...

Наличие самого наречия, однако, не является маркером результативности или тацисности. Аналогичным образом функционируют союзы *before* и *after* в современном английском языке: при использовании данных союзов, в принципе, нет необходимости использовать глагол в Past Perfect при описании двух последовательных действий, поскольку семантика самих союзов уже указывает на предшествование одного действия другому. В следующих примерах, несмотря на наличие *ær*, а также результативной семантики глагола и, в целом, контекста, указывающего на предшествование действия, употребляется, тем не менее, претерит:

- (7) *for ðan þe he wæs his gefylsta swa swa **we ær sædon**...*

поскольку он был его помощником, как мы об этом ранее говорили...

- (8) *Her is micel swutelung þæs soðan geleafan, **hu se Hælend sylf hit sæde**.*

В этом в значительной степени проявляется истинная вера, как сам об этом говорил Спаситель.

В корпусе древнеанглийских текстов, однако, не составит труда найти примеры, в которых в аналогичных контекстах с тем же самым глаголом говорения употребляется анализируемая конструкция с посесивным глаголом:

- (9) *swa he ær his browunge sylf **gesæd hæfde**.*

как он до своего распятия сам сказал.

Примеры 6–9 являются свидетельством того, что в придаточных предложениях существовало варьирование глагольных форм, а отсутствие последовательности в употреблении конструкции с посессивным глаголом после определенного рода наречий или союзов указывает на то, что в данный период времени данная конструкция не имела грамматически оформленного статуса и, скорее всего, имела ряд других более частотных функций, нежели таксисная. Т.е., по крайней мере, на раннем этапе своего развития в древнеанглийском семантика конструкции «*hæfden* + причастие II» не зависела от определенного грамматического окружения, в отличие от современного английского языка, в котором в контексте, указывающем на предшествование с помощью определенных лексических маркеров (например, после наречий *already*, *since*, *lately* и др., в ряде случаев с временными союзами *before*, *when*, *after*), автоматически употребляется предпрошедшее время (Past Perfect).

Эту же мысль подтверждает дистрибуция форм претерита и *hæfden* + причастие II в сложноподчиненных предложениях времени с союзами *þa*....*þa* ('когда ... тогда; после того, как ...'), в которых одно действие предшествует другому и, как правило, завершено к моменту начала другого действия. Так, если предположить, что конструкция «*hæfden* + причастие II» использовалась как современный Past Perfect, т.е., прежде всего, для выражения предшествования, то в данных темпоральных придаточных предложениях мы должны иметь превалирующее количество примеров на употребление *hæfden* + причастие II в таксисной функции. В «Католических гомилиях I», однако, в данных контекстах зачастую используется претерит:

- (10) *þa ða he genealæhte. þa acsode se hælend hine*

Когда он приблизился, тогда спросил его Спаситель.

- (11) *þa ða se apostol wæs nigon and hundnigontig geara þa æteowede him drihten crist*

Когда апостолу было девяносто девять лет, тогда предстал перед ним Господь Христос.

Употребление претеритных форм в таких случаях можно объяснить тем, что данные примеры выражают действия, (а) следующие непосредственно друг за другом и/или (б) происходящие на фоне других событий:

- (а) «когда пришло время... тогда послал он...», «когда он приблизился... тогда спросил Спаситель...»;
- (б) «когда апостолу было девяносто девять лет, тогда предстал пред ним господь Христос».

В следующем примере, однако, в аналогичном грамматическом окружении используется конструкция с посессивным глаголом:

- (12) *þa ða he þus þriwa gedon hæfde. þa het he unwindan þæs cnihtes lic.*

После того, как он таким образом трижды сделал, тогда приказал он развернуть тело юноши.

Действия в данном предложении следуют друг за другом, но при этом *hæfden* + причастие II, скорее, акцентирует внимание на завершенности первого действия, важности его выполнения как части ритуала (важность тройного повторения действия), а не предшествовании одного события другому или связанности с последующим действием. Причем временная локализация двух действий настолько близка (одно непосредственно следует за другим), что использовать конструкцию для подчеркивания предшествования было бы излишним: сам контекст четко указывает на последовательность событий. Более подробно сверхфразовое единство, из которого взято данное предложение, будет проанализировано в примере 34.

В другом примере в аналогичном семантическом контексте употребляется претерит:

- (13) *eft þa ða criste hingrode æfter swa langum fyrste þa wende se deoful soðlice þæt he god nære*

Затем, когда Христос так долго испытывал голод, воистину подумал дьявол, что он не был Богом

Наряду с простым претеритом, в таком контексте можно встретить и форму с перфективирующей приставкой *ge-*:

- (14) *þa ða he mid tihndlicum wordum heora gewæhtan mod getrymde and gefrefrode; ða geaxode he þæt hi dæghwomlice ofer six mila him wæter on heora exlum gefetton.*

Когда он убедительными словами их обеспокоенные умы ободрил и утешил, тогда узнал он, что они ежедневно для себя по шесть миль носили на своих плечах воду.

Такой глагол может употребляться как в главном или придаточном предложении, так и одновременно в обеих частях сложноподчиненного предложения:

- (15) *and þa ða hi his cenninstowe geaxodon þa gewendon...*

и когда они узнали о месте его рождения, направились они...

- (16) *Æt nextan þa ða he gefredde his deaðes nealæcunge. þa het he him his seax aræcan to screadigenne ænne æppel....*

Наконец, когда он осознал приближение своей смерти, тогда приказал он им принести ему его нож, дабы разрезать яблоко...

Для сравнения возьмем пример, в котором в придаточном предложении используется претерит:

- (17) *þa ða his leorningcnihtas hine axodon þurh hwæs synnum se man wurde swa blind acenned: þa cwæð se hælend.*

Когда его ученики спросили, за какие грехи этот человек рожден был слепым, тогда сказал Спаситель.

Иначе говоря, в придаточных предложениях времени, наряду с претеритными формами, возможны глагольные формы с приставкой *ge-* и сочетание *hæfden* и причастия II. Кроме того, существуют примеры,

в которых *hæfden* + причастие II употребляется в придаточном предложении в качестве однородного сказуемого, в то время как первое сказуемое выражено простым претеритом:

- (18) ***Þa þa** hi þyder **common** & **umbe** oper þing **gesprecon** **hæfdon** **umbe** þæt hi **sprecan** **woldon**. **þa** **angan** Thomas his **spæce**.*

После того, как они туда прибыли и поговорили о других делах, о которых они желали поговорить, тогда начал Томас свою речь.

Итак, как видно из вышеприведенных примеров, на протяжении всего древнеанглийского периода анализируемая конструкция не имела четких формальных грамматических маркеров, которые бы указывали на ее временные функции.

Теперь рассмотрим более детально семантику контекстов с употреблением простых претеритов, претеритов с перфективирующей приставкой *ge-*, а также конструкции «*hæfden* + причастие II».

В «Англосаксонской хронике» обращает на себя внимание употребление ряда глаголов в трех вышеперечисленных формах: *nam – geman – hæfden genumen*, *salde – gesealde – hæfden geseald*, *worhte – geworhte – hæfden geworht*. При этом данные формы, обладая одинаковым лексическим значением, отличаются друг от друга своей грамматической семантикой. Так, возьмем глагол *niman* «брать». Зачастую простой претерит данного глагола употребляется в сочетании с существительными *sige* «победа», *tuun* «город», *wintersetl* «расквартирование на зиму», *frif* «мир», обозначая тем самым дискретное действие в прошедшем времени: «победил», «взял город», «расквартировались на зиму», «заключили мир». Если учитывать, что в языковом арсенале древнеанглийского не существовало аспектуального показателя, функционирующего как определенный категориальный маркер перфективности/результативности, простой претерит, употребленный в перфективных контекстах, мог на себя брать семантику перфективности/результативности. Следовательно, данные существительные, которые употребляются в перфективных контекстах и сами по себе предполагают достижение некой конечной цели, в принципе, не требуют использования дополнительных перфективирующих средств, как лексических, так и грамматических. Кроме того, в цепочках однородных сказуемых или сложносочиненных предложениях, выражающих последовательные действия, также употребляется простой претерит:

- (19) ***Se bat** wæs **geworht of** **briddan** **healfre** **hyde** **þe** **hi** **on** **foron**, & **hi** **namon** **mid** **him** **þæt** **hi** **hæfdun** **to** **seofon** **nihtum** **mete**.*

Лодка, в которой они приплыли, была сделана из двух с половиной шкур, и они взяли с собой провизии, которая у них была, на семь дней.

Как правило, в подобных контекстах однородные сказуемые соединены союзом *and* «и»: & *fuhton* lange on dæg on, & *namon* þone ceap onbutan; & *foron* þær ofer Temese, & *namon* ægðer ge on Bradene ge ðær ymbutan eall þæt hie gehentan mehton, & *wendan* (и долго днем сражались, и захватывали скот, и переправились через Темзу, и либо в Брадоне, либо поблизости захватили все, что могли взять, и повернули назад).

В каких контекстах употребляется претерит глагола *niman* с перфективирующей приставкой *ge-*? Прежде чем рассмотреть конкретные примеры и контексты их употребления, необходимо отметить, какими функциональными характеристиками, в целом, обладала данная приставка. Так, не только в древнеанглийском, но и в древнегерманских языках данная приставка была весьма продуктивной: она могла использоваться не только в словообразовательных целях, но и в качестве маркера перфективности [7]. Р. Квирк и К. Ренн, например, рассматривают перфект и данную приставку как альтернативные способы выражения категории перфективности в древнеанглийском [14]. На то, что данная приставка в древнеанглийских текстах в большинстве контекстов выражала завершенность и результативность действия, говорит и анализ корпуса текстов в работе Т. МакФаддена [12]. На примере древневерхненемецкого языка С.А. Шубик приходит к выводу, что данная приставка в древневерхненемецких текстах являлась не только показателем перфективности, но и прагматическим маркером, используемым для выделения автором необычного события и привлечения внимания читателя [1]. Однако при этом некоторые исследователи отмечают, что уже в древнеанглийской период данная приставка не была достаточно эффективным маркером перфективности [8, р. 530–531], на что указывает ряд контекстов, в которых сложно проследить функцию перфективности: в «Англосаксонской хронике» встречаются редкие примеры, в которых *genamon* употребляется в тех же контекстах, что и *namon*, например, *Her sæt hæfen here on Tenet, & genamon friþ wip Cantwarum* («В этом году обосновалось языческое войско на острове Танет и заключили мир с жителями Кента»). С одной стороны, это может свидетельствовать о стирании границ между претеритом и глаголами с перфективирующей приставкой, о потере приставкой *ge-* результирующей семантики. С другой стороны, мы полагаем, что и в таких контекстах именно перфективирующая приставка могла недвусмысленно указывать на завершенность действия и привносить прагматический компонент, а именно – важность завершенного действия. Так, в 23 случаях перфективирующая приставка *ge-* употреблена вполне уместно: благодаря сочетанию с союзом «после того, как» она усиливает компонент завершенности действия и неоднозначно указывает на предшествование данного события другому действию, обозначенному союзом «с тех пор, после этого»:

- (20) *Æfter þæm þe Perse frið genaman wið Romanum sibþan gelicade eallum folcum þæt hie Romanum underþiedeð wære*

После того, как персы заключили мир с римлянами, всему народу пришлось по душе, что они оказались в подчинении у Рима

Таким образом, исходя из анализа ряда контекстов в обозначенных нами произведениях, можно утверждать, что все-таки существовала разница в семантике и употреблении глагольных форм с перфективирующей приставкой и простого претерита. Так, в нижеследующем предложении все тот же глагол *genam* несомненно обладает семантической завершенности действия:

- (21) *& heo hine lufode & hæfde hire for suna, & nemde his <naman> Moisi, & cwæþ: For þam þe ic hine of wætere genam.*

и она его любила и относилась к нему как к сыну и назвала его именем Моисей и сказала: поскольку я его из воды взяла

Завершенность действия усиливается еще и причинно-следственными связями, т.е. объяснением данного имени: «поскольку я его из воды взяла». Перфективирующая приставка *ge-* с глаголами прошедшего времени, таким образом, обладает потенциалом выражения завершенности действия, указания на результат непосредственного действия: «взяли», «забрали». В контекстах с такими глаголами с перфективирующей приставкой важным является само действие, фокус контекста сужен до выделения его завершенности:

- (22) *Her Hengest & æsc gefuhton wiþ Walas, & genamon unari-medlico herereaf.*

В этом году Хенгест и Эск сразились с валлийцами и взяли несметное количество добычи.

Пример 22 примечателен тем, что в нем немаловажным является прагматический аспект, т.е. указание на важность события, необычность результата действия: приобретение бесчисленного количества добычи, которую получили по окончании сражения с валлийцами. Следовательно, в подобного рода контекстах на первый план выступает аспект либо необычности события – событие выделяется из ряда ему идентичных (взяли/захватили неимоверно много добра) – либо важности описываемого события, как в следующем примере:

- (23) *& þy ilcan geare for ælfred cyning mid scipum ut on sæ. & gefeahth wiþ feower sciphlæstas Deniscra monna, & þara scipa tu genam*

в том же самом году отправился король Альфред на кораблях в море и сразился с четырьмя датскими кораблями и из тех кораблей два захватил

В данном примере захват двух кораблей является важным событием, подчеркивающим мастерство короля Альфреда как полководца.

Анализ текстов X–XI вв. позволяет утверждать, что такая дистрибуция глагольной семантики в зависимости от формы глаголов осталась

без изменений: в «Католических гомолиях I» Эльфрика наблюдается такое же соотношение семантики глаголов с перфективирующей приставкой и простых претеритов. Так, в произведении автор часто упоминает историю о поклонении волхвов, в контексте которой используются глаголы с перфективирующей приставкой: *geopenodon*, *geoffrodon*, *gemetton*. Все эти глаголы указывают на завершенность однократного действия («открыли», «предложили», «встретили»):

- (24) *Eodon þa in and þæt cild **gemetton** mid marian his meder: and nyþerfeallende hi to him gebædon; Hi **geopenodon** heora hordfatu. and him lac **geoffrodon**: gold. and recels and mirran.*

Тогда они вошли и нашли ребенка с его матерью Марией и, припадая ниц, они ему поклонялись; они открыли свои ящички с сокровищами и предложили ему дары: золото, и ладан, и мирру.

При этом глагол, например, *offrodon*, используется без перфективирующей приставки в другом контексте, в котором не требуется выражения завершенности действия:

- (25) *Ða lagon þær binnon þam temple fela adligna manna. and dæghwomlice. þam deofolgyldde **offrodon**.*

Тогда лежали там рядом с храмом много нездоровых людей и ежедневно занимались идолопоклонничеством

Отсутствие последовательности в выражении завершенности и передачи прагматического аспекта перфективирующей приставкой, о которой речь шла выше, находит свое отражение в примере из аналогичного контекста, где вместо ожидаемого *geoffrodon* используется бесприставочный претерит:

- (26) *Ðas þry tungelwitegan hi to criste gebædon. and him getacnigendlice lac **offrodon**.*

Три волхва поклонились перед Христом и предложили ему важные дары.

Однако и в данном примере употребление претерита не меняет картины кардинально, поскольку, даже если мы предположим, что претерит без перфективирующей приставки в большинстве случаев был завязан на контекст и в зависимости от общей контекстуальной семантики мог отражать либо перфективный, либо неперфективный аспект, то в данном контексте неперфективная интерпретация вполне уместна и является как бы немаркированной, выражая последовательность действий. Употребление глагола с перфективирующей приставкой, наоборот, является в данном случае маркированным и обозначает завершенное действие: «открыли и предложили». Характерно, что в переводе на современный английский используются глаголы прошедшего времени *opened* и *offered*, но не перфект. Перфективирующая приставка в древнеанглийском обладала более широким аспектуальным спектром.

В ряде контекстов она передавала завершенность действия и его результативность, а также предшествование одного действия другому. В таких случаях она полностью совпадает с перфектом в современном английском переводе:

- (27) *þas word sind digle, ac se trahtnere Gregorius us **geopenode** þæt gastlice andgit.*

These words are obscure, but the expounder Gregory has opened to us the ghostly meaning.

Данные слова туманны, но толкователь Григорий открыл для нас духовное значение.

- (28) *Witodlice Godes engel þærrihte mid swyftum flihte gebrohte ðone disc-ðen, Abacuc, þær he hine ær **genam**.*

And the angel of the Lord straightways brought the minister of food, Habakkuk, to the place whence he had before taken him.

И истинно ангел Господень тот час же принес распорядителя еды, Абакука, в то место, откуда он его до этого взял

Примеры 27 и 28 важны как случаи расхождения семантики древнеанглийского глагола и современного перфекта при совпадении контекстов. Для древнеанглийского важным является завершенность действия, в то время как современный английский язык показывает важность последствий совершенного действия для момента говорения или предшествование одного события другому.

В иных примерах глаголы с перфективирующей приставкой служили в качестве аспектуального-прагматического показателя и либо выражали завершенность действия безотносительно к другому действию, либо важность/необычность описываемого события:

- (29) *God þa hine **gebrohte** on neorhna-wange, and hine þær **gelogode***

Бог принес его в рай и разместил его там

Употребление глаголов с перфективирующей приставкой в ряде случаев вторгается в сферу, в которой в древнеанглийском могла использоваться конструкция с посессивным глаголом *habban* или перфект в современном английском. Однако уже при первом рассмотрении контекстов перевода древнеанглийских текстов становится очевидным, что современный перфект функционирует иначе, нежели древнеанглийская конструкция «*habban/hæfden* + причастие I». Так, в «Англо-саксонской хронике» все примеры *hæfden* + причастие II переводятся на современный английский при помощи предпрошедшего времени (Past Perfect), за исключением одного, которое передается прошедшим временем:

- (30) *...& þa Deniscan **hæfdon** hira wif **befæst**...*

...Danes procured asylum for their wives...

...датчане обеспечили убежище свои женам...

Такое совпадение неслучайно, т.к. в древнеанглийском тексте данная конструкция, функционируя в качестве результата, в определенных контекстах могла указывать на предшествование действия и достижение или наличие результата в прошлом. Эти же функции прекрасно выполняет глагол в предпрошедшем времени (Past Perfect) в современном английском. При этом, однако, в ряде контекстов аналогичные функции, как мы видели, на себя могли брать глаголы с перфективирующей приставкой и даже простой претерит. Значит ли это, что мы имеем дело с примером языковой избыточности, когда одни и те же функции дублировались разными грамматическими конструкциями? Анализ текстов показывает, что, несмотря на пересечение функциональных характеристик анализируемых грамматических явлений в некоторых контекстах, они зачастую все же несли различные семантические оттенки передаваемых действий.

В качестве примера возьмем известный отрывок из «Англосаксонской хроники» AD 755, в котором повествуется о конфликте между королем Кюневульфом и Кюнехеардом. Короля, отправившегося с небольшой охраной в город, выследил Кюнехеард, устроил ему засаду, начал с ним биться и сражался, пока не убил его:

- (31) *& hie alle on þone Cyning wærun feohtende oþ þæt hie hine ofslægenne hæfdon.*

и они все против конунга сражались до тех пор, пока они его убили

Показательным является не столько грамматическое окружение (придаточное предложение времени – «до тех пор, пока»), которое на первый взгляд, как может показаться, требует употребления результата, сколько кульминация повествования, итог которого – убийство короля. Иными словами, перед нами результат не столько отдельно взятого события, сколько целого повествовательного отрывка (сверхфразового единства), в котором в фокус важного события выдвигается его результат, развязка. Характерно и то, что в этом же отрывке в аналогичном синтаксическом окружении используется простой претерит:

- (32) *& hie þa ymb þa gatu feohtende wæron oþþæt hie þær inne fulgon, & þone æpeling ofslogon*”

и они тогда за те ворота сражались до тех пор, пока они туда вовнутрь ворвались и того этелинга убили

- (33) *Ac hie simle feohtende wæran oþ hie alle lægon butan anum Bryttiscum gisle.*

но они вместе сражались до тех пор, пока они все полегли за исключением одного бриттского заложника.

Отсутствие в данных контекстах конструкции *«hæfdon + причастие I»* говорит о том, что данные события являются не ключевыми и следуют за кульминационным событием, описанным выше. Данная интерпретация

функциональной особенности анализируемой конструкции релевантна и при описании других контекстов в «Хронике». Важным при этом является то, что употребление конструкции отсылает не просто к завершенности и результативному состоянию отдельно взятого действия, но связано с широким контекстом (например, в сверхфразовом единстве) и тем основным событием, которое описывается в данном широком контексте. В свою очередь, глагол с перфективирующей приставкой имеет тенденцию к обозначению завершенности одномоментного действия отдельно взятого глагола и не связано с широким контекстом, в отличие от конструкции с посессивным глаголом *habban/hæfdan*. Немаловажным при этом является характеристика контекста, следующего за употреблением конструкции. Так, в «Хронике» это, как правило, начало нового события, которое отмечается наречием *þa* «затем, тогда, когда»:

- (33) *Pa hie ða fela wucena sæton on twa healfe þære e, & se cyng wæs west on Defnum wiþ þone sciphere, þa wæron hie mid metelieste gewægde, & hæfdon miclne dæl þara horsa freten. & þa opre wæron hunge acwolen. Pa eodon hie ut to ðæm monnum þe on easthealfe þære e wicodon, & him wiþ gefuhton.*

Когда они много недель просидели с обеих сторон реки, а король находился тем временем в Девоншире на западе со своим войском и кораблями, тогда их придавил голод. Они съели большую часть лошадей, а оставшиеся умерли от голода. Тогда направились они к тем людям, которые на восточной стороне реки расположились и с ними сразились.

Важным итогом описываемого события стало отсутствие еды, в результате чего осажденные съели значительную часть лошадей, и многие люди умерли от голода. Новый виток в развитии событий заключается в сражении с войском, которое было расквартировано на противоположном берегу реки. Для указания на завершение одиночного действия и используется глагол с перфективирующей приставкой – *gefuhton*: «пошли и сразились с ними».

В двух других текстах наблюдается аналогичная картина, несмотря на то, что они являются произведениями совершенного иного жанра и написаны позднее «Англосаксонской хроники». Частое использование конструкции в тех контекстах, которые указывают на предшествование одного действия другому, впоследствии переосмысливается как однозначный показатель таксиса. Однако наличие в древнеанглийских текстах примеров сложноподчиненных предложений времени, в которых не всегда используется эта конструкция, можно объяснить именно ее функциональными характеристиками. Данная конструкция обладала, скорее, прагматическими аспектуальными свойствами и лишь впоследствии приобрела темпоральные особенности в результате частотного

использования в контекстах с темпоральными характеристиками. Но даже в позднедревнеанглийских текстах примеры, в которых конструкция, на первый взгляд, выполняет таксисную функцию, можно интерпретировать как проявление прагматических функций конструкции (эмфаза, выделение важности события). Так, возьмем следующий отрывок, в котором апостол воскрешает умершего:

- (34) *Efne ða ða se apostol þas lare sprecende wæs. ða bær sum wudewe hire suna lic to bebyrgenne: Se hæfde gewifod þrittigum nihtum ær; Seo dreorige moder þa samod mid þam licmannum rarigende hi astrehte æt þæs halgan apostoles fotum. biddende þæt he hire sunu on godes naman arærde. swa swa he dyde þa wydewan drusi-anam; Iohannes þa ofshreow þære meder and þæra licmanna dre-orignysse. and astrehte his lichoman to eorðan on langsumum gebede. and þa æt nehstan aras. and eft upahafenum handum langlice bæd; Þa ða he þus þriwa gedon hæfde. þa het he unwindan þæs cnihtes lic.*

Затем, когда апостол произносил речь, тогда несла одна вдова тело своего сына на погребение, а сын женился тридцать ночей до этого. Эта опечаленная мать вместе с плакальщицами, оплакивая, простерлась ниц у ног святого апостола и попросила, чтобы он его сына именем Господа воскресил, как он поступил с вдовой Друсианой. Тогда Иоанн, пожалев печаль матери и плакальщиц, распростер свое тело на земле в долгой молитве и затем, встав, простер руки к небесам и долго молился. После того, как он таким образом трижды сделал, тогда приказал он развернуть тело юноши.

Конструкция «*hæfden* + причастие I» употребляется в данном отрывке дважды и в тех местах, где есть необходимость подчеркнуть не столько таксисные отношения описываемых действий, сколько важность совершенного события для всего повествования: упоминание о женитьбе несколько невольно прерывает канву повествования, привнося некую дополнительную, на данный момент не важную информацию о том, что умерший сын к тому же тридцать дней назад еще и женился. И далее речь перетекает в совершенно другое русло: безутешная мать упрасивает апостола воскресить ее сына и тот соглашается. Выделенное конструкцией действие как бы повисает в воздухе. Однако важность упомянутого события реализуется, когда апостол произносит свою речь, которую начинает фразой *Eala ðu cniht, ðe þurh ðines flæsces lust hrædlice ðine sawle forlure* ('О ты, юноша, кто потерял свою душу из-за похоти своего тела'). Молодой человек потерял свою душу из-за похоти и в этой связи всплывает то событие, о котором упоминалось и которое было связано с распутной жизнью юноши. Совершение апостолом ритуала, в ходе которого он повторяет три раза определенные действия,

также могут указывать на важность выполняемых элементов ритуала, а не на само завершение или предшествование действия. В аналогичных контекстах, где явно выражено предшествование действия, *hæfden* + причастие II не употребляется, что еще раз свидетельствует о том, что данная конструкция не имела четких таксисных функций, зависящих от особенностей контекста:

- (35) *Se cniht þa Stacteus, ðe of deaðe arás, samod mid þam gebroðrum, astrehte hine to Iohannes fótswaðum, and þæt folc forð mid ealle, anmodlice biddende þæt he him to Gode geþingode.*

Тогда этот юноша Стактей, который из мертвых восстал, вместе со своими братьями упал ниц перед ногами Иоанна и вместе с ними люди, все единодушно моля его, чтобы он примирил их с Богом.

Возьмем еще один пример:

- (36) *Þa ða se apostol wæs nigon and hundnigontig geara þa æteowede him drihten crist mid þam oðrum apostolum þe he of þysum life genumen hæfde: and cwæð; Iohannes: cum to me tima is þæt ðu mid þinum gebroðrum wistfullige on minum gebeorscipe; Iohannes þa aras: and eode wið þæs hælendes: ac he him tocwæð; Nu on sunnandæg mines æristes dæge þu cymst to me: and æfter þam worde drihten gewende to heofenum; Se apostol miclum blissode on þam behate: and on þam sunnanuhtan ærwacel to ðære cyrcan com. and þam folce fram hancrede oð undern godes riht lærde. and him mæssan gesang. and cwæð ðæt se hælend hine on þam dæge to heofenum gelaðod hæfde.*

Когда апостолу было девяносто девять лет, тогда предстал перед ним Господь Христос вместе с другими апостолами, которых он забрал из этой жизни и сказал: «Иоанн, иди ко мне, настало время тебе с твоими братьями пировать на моем пиру». Иоанн тогда встал и пошел к Спасителю, но тот ему сказал: «Итак, в воскресенье, в день моего воскресения, ты придешь ко мне», и после этих слов Господь отправился на небеса. Апостол очень возрадовался этому обещанию и, рано встав с восходом солнца, отправился в церковь и всему народу с момента, когда пропели петухи, до трех часов, проповедовал закон Божий и им мессу провел и сказал, что Спаситель в тот день пригласил его на небеса.

В вышеприведенном отрывке анализируемая конструкция также употреблена дважды. И снова в обоих случаях выделяются важные события: всевышний предстал перед апостолом с теми апостолами, которых он призвал к себе, и сообщил апостолу весть о том, что его время настало, и он приглашает его к себе на небеса. Тема приглашения на небеса проходит красной нитью в данном отрывке, а потому выделение

ее с помощью конструкции вполне оправдано. Кроме того, в последующем предложении, когда апостол обращается к Господу с благодарственной речью, он упоминает о том, что Христос его пригласил, и на этот раз используется глагол с перфективирующей приставкой для обозначения завершенности действия, смысл выделения которого в данном контексте отсутствует:

- (37) *Drihten crist. ic þancige ðe þæt ðu me **gelaðodest** to þinum wistum: þu wast þæt ic mid ealre heortan þe gewilnode*

Господь Христос, я тебя благодарю, что ты меня пригласил на твой пир: ты знаешь, что всем своим сердцем я тебя желал.

Аналогичная ситуация наблюдается и при использовании конструкции с посессивным глаголом *habban*. Так, в нижеследующем примере *habban* + причастие II употребляется в контексте, где подчеркивается совершение чего-то невероятного, что могло бы привести к распятию на кресте:

- (38) *Þa arn þæt cristen folc togeanes þam cwellerum þe hine to þære rode læddon. clypigende and cwæðende; **Hwæt hæfð þes rihtwisa man and godes freond gefremod. þæt he rodehengene wurfe sy?***

Тогда побегал христианский народ к тем палачам, которые его на крест вели и спросили, говоря: «Что сотворил сей праведный человек и божий друг, что он заслуживает распятия на кресте?»

Важным здесь является указание не на совершение действия, его завершенность или результат, но выделение значимости совершенного действия, что автоматически выносит его в фокус повествования. В отличие от современного перфекта, который указывает на связь любого действия с моментом говорения, данный пример выделяет значимость важного события, о котором повествуется в рамках сверхфразового единства, пассажа, в котором развивается та или иная тема.

Примечательным в этой связи является особая функция *habban* + причастие I, которая прослеживается в данном тексте и, по всей видимости, зависит от жанра текста. Используя основную функцию конструкции, заключающуюся в выражении важности совершенного действия, размещении его в фокус повествования, автор зачастую употребляет конструкцию в конце какого-нибудь рассказа, сутью которого было донести ту или иную мораль рассказа. В таких случаях *habban* + причастие II используется для подведения итогов и выводов или в начале рассказа, когда резюмируется то новое, о чем было рассказано в предыдущей гомилии и какие выводы из этого были сделаны. Например:

- (39) *Mine gebropra. **ge habbað nu gehyred.** be þam leasan wenan þe ydele menn gewyrd hatað: uto nu fōn on þæs godspelles trahtnunge þær we hit ær forleton*

Братья мои, теперь вы услышали о неверной вере, которую тщеславные люди называют судьбой: давайте теперь повторим изложение Евангелия, на котором мы ранее остановились.

Как правило, в таких контекстах, где употребляется данная конструкция для выделения важных результатов и подведения итогов, автор в последующем предложении указывает на то, о чем он далее собирается рассказывать. При этом зачастую используется маркер нового повествования, новой темы *nu*:

- (40) *we habbað gesæd ymbe þæt pater noster nu we wyllað secgan eow þone geleafan þe on þam credan stent. swa swa se wisa augustinus be þære halgan brynnyse trahtnode*
мы рассказали о *pater noster*, теперь мы хотим поговорить с вами о той вере, которая основана на догматах, так как мудрый Августин учил о Святой Троице.

В качестве основных глаголов в таких случаях зачастую используются глаголы ментальной деятельности: *слышать*, *говорить*.

Основываясь на вышеизложенном, можно утверждать, что в примерах, в которых в одинаковых контекстах употребляется либо анализируемая конструкция, либо претерит (с перфективирующей приставкой или без нее), функционально-семантические характеристики данных грамматических явлений нельзя считать синонимичными. Вариативность конструкций и претеритов в таких случаях является смыслообразующей и зависит от контекста. Так, рассмотрим следующие примеры:

- (41) *Pa ða he genealæhte. þa acsode se hælend hine: Hwæt wilt ðu þæt ic þe do; He cwæð: drihten þæt ic mage geseon; And se hælend him cwæð to; Loca nu þin geleafa hæfð þe gehæled*

Когда он приблизился, тогда спросил его Спаситель: «Что хочешь ты, чтобы я тебе сделал?». Он сказал: «Господь, чтобы я мог видеть». И Спаситель сказал ему: «Посмотри теперь, твоя вера тебя излечила»

- (42) *To ðam leohte soðlice ure geleafa us sceal gebringan: Swa swa crist cwæð to ðam blindan men: loca nu þin geleafa þe gehælde.*

К тому свету наша вера истинно нас должна привести. Так же, как Христос сказал тому слепому человеку: посмотри теперь, твоя вера тебя излечила.

Hæfð gehæled употребляется в прямой речи в контексте, в котором разворачивается важное действие: слепой человек обращается с просьбой к Христу и просит вернуть ему зрение. Господь прикасается к слепому и возвращает ему зрение, говоря, что он теперь может видеть и что это сотворила с ним вера. Важность события, фокус повествования сосредоточены в прозрении благодаря вере, свершение чего передается с помощью конструкции «*habban* + причастие II». При этом в примере 42

аналогичная фраза употреблена в повествовательном контексте, где автор упоминает случай с прозрением слепого человека лишь в качестве аналогии для доказательства важности веры. Автор приводит слова Христа не как часть более широкого контекста, в котором разворачивается важное событие, а как отдельно произошедшее действие, в котором присутствует лишь завершенность и результат. Отсюда и употребление глагола с перфективирующей приставкой, которая указывает на перфективность: «человек прозрел, и это сотворила с ним вера».

Подведем итоги. Анализ произведений позволяет утверждать, что конструкция «*habban* (*hæfden*) + причастие II» в большинстве случаев функционировала в качестве аспектуально-прагматического показателя. Отсутствие грамматизованных случаев употребления *hæfden* + причастие II, в частности, в придаточных предложениях времени, свидетельствуют о том, что таксисно-темпоральные функции конструкции не были в полной мере развиты. Хотя ряд контекстов с данной конструкцией можно интерпретировать с точки зрения выражения ею предшествования действий, в том же самом окружении употреблялись глаголы с перфективирующей приставкой *ge-*. Такая вариативность, как было показано, несла смысловые оттенки: глаголы с перфективирующей приставкой указывали на завершенность одноразового действия, в то время как анализируемая конструкция отражала фокус повествования, являлась грамматико-прагматическим выражением кульминации всего разворачивающегося события, о котором идет речь в рамках более широких контекстов, например, сверхфразового единства. Глаголы с перфективирующей приставкой употреблялись для выражения завершенности одиночного действия, передаваемого, как правило, в рамках одного предложения. В целом, пересечение претеритов и конструкции «*habban* (*hæfden*) + причастие II» в ряде контекстов может указывать на то, что данная конструкция во временном плане имела те же функции, что и претерит: передавало прошедшее время. В отличие от современного английского перфекта, текущая релевантность для момента речи не прослеживается, а те случаи, которые исследователями интерпретируются как проявление перфектной семантики, являются лишь совпадением контекстов с разным функционированием разных грамматических явлений (древнеанглийской конструкции с посессивным глаголом и современным перфектом). Конструкция с презентным посессивным глаголом в силу жанрового своеобразия текстов гомилий могла использоваться для подведения итогов, для выделения того, что являлось важным или что было выучено в результате проповеди. В остальном ни жанровые различия, ни время написания текстов не влияли на функциональные особенности анализируемой конструкции в древнеанглийском языке.

1. Шубик С.А. Была ли категория вида в древневерхненемецком языке? Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко / Отв. ред. И.В. Недялков. СПб., 2001. С. 126–130.
2. Andrason A. Resultative predicative adjunct constructions // *Interlinguistica*. 2010. XX. P. 1–12. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/revista?codigo=5399> (дата обращения: 12.12.2015).
3. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, 1994.
4. Carey K. The grammaticalization of the Perfect in Old English: An Account Based on Pragmatics and Metaphor // *Perspectives on grammaticalization*. Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science / Pagliuca W. (ed.). Amsterdam–Philadelphia, 1994. P. 103–117.
5. Comrie B. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, 1976.
6. Denison D. *English Historical Syntax: Verbal Constructions*. London; NY, 1993.
7. Elsness J. *The perfect and the preterite in contemporary and earlier English*. Mouton de Gruyter, 1997.
8. Godden M.R. *Literary language* // *The Cambridge History of the English Language*. V. I / R.M. Hogg (ed.). Cambridge, 1992. S. 490–535.
9. Hoffman G. *Die Entwicklung des umschriebenen Perfekts im Altenglischen und Frühmittelenglischen: Doctoral dissertation*. Breslau, 1934.
10. Łęcki A. *Grammaticalisation Paths of Have in English*. Frankfurt am Main, 2010.
11. Lee J. *Periphrastic Perfect Tense in English: A Historical Perspective*. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Texas at Austin, 2004.
12. MacFadden Th. *The Old English distribution and subsequent loss of preverbal ge-* // 13th Diachronic Generative Syntax Conference University of Pennsylvania, Philadelphia, June 4th, 2011. URL: http://www.hum.uit.no/a/mcfadden/downloads/digs13_hand.pdf (дата обращения: 12.12.2015).
13. Mitchell B. *Old English Syntax*. Oxford, 1985.
14. Quirk R., Wrenn C.L. *An Old English Grammar*. London, 1955.

А.В. ДЕГТЯРЕВА

Структурные свойства японской репрезентативной формы на *-tari* в художественной прозе, онлайн-коммуникации и в устной речи: сравнительный количественный анализ корпусных данных

В статье исследуются структурные свойства японской конструкции с деепричастием репрезентативности (формы на *-tari*) на материале трех корпусов: корпуса устной речи, корпуса блогов и корпуса письменных художественных текстов. Мы выделяем следующие параметры, релевантные для описания структуры этой конструкции: наличие/отсутствие вспомогательного глагола, количество форм на *-tari* внутри одной конструкции, а также синтаксическая позиция всей конструкции в предложении. Мы покажем, как эти параметры связаны между собой в различных типах дискурса.

Ключевые слова: синтаксис японского языка, репрезентация, корпусное исследование, форма на *-tari*, сравнительный количественный анализ.

1. Постановка задачи

Показатель *-tari* чаще всего присоединяется к глаголу (возможен также алломорф *-dari*, а после показателя отрицания приобретается адъективная форма *-kattari*), предикативному прилагательному (*-kattari*), а также к существительному и полупредикативному прилагательному через неадресивную связку *da* (*dattari*). Японская конструкция с *-tari* обычно строится по общей схеме $X_1 + tari (X_2 + tari \dots X_n + tari) V_{aux}$, где X – глагол, прилагательное или существительное со связкой, а V_{aux} – вспомогательный глагол, который может опускаться (обычно *suru* «делать»). Таким образом, форму на *-tari* следует рассматривать как

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 16-06-00226.

синтаксический аффикс, относящийся к деепричастным (срединным, обстоятельственным) формам глагола. Показатель *-tari* всегда занимает заключительную позицию в словоформе, следуя после показателей других категорий (например, пассива, потенциалиса и т.п.), если таковые имеются. К числу немногих категорий, которые маркируются в составе самого деепричастия, относятся залог и в некоторых случаях отрицание. В стандартном случае конструкция имеет репрезентативное значение «(делать) $X_1 (X_2 \dots X_n)$ и тому подобное».

- (1) *Yasumi no hi ni wa bideo o mi-tari*
 Отдых GEN¹ день DAT TOP видео ACC смотреть-APPR
ongaku o kii-tari shi-te nonbiri
 музыка ACC слушать-APPR VRB-CNV неспешно
sugos-u no ga suki des-u [10, p. 214]
 проводить-PRS GEN NOM любить COP.ADR-PRS

«В выходной день люблю неспешно проводить время,
просматривая видео, **слушая** музыку и т.п.»

Для описания структурных свойств конструкции на *-tari* представляются важными, по крайней мере, три параметра варьирования: наличие или отсутствие вспомогательного глагола, количество форм на *-tari* в одной конструкции, а также синтаксическая позиция самой конструкции в предложении (выступает ли она в позиции вершинного сказуемого или же зависимого). Рассмотрим более подробно эти параметры.

Вспомогательный глагол ставится не более одного раза и только после последней формы на *-tari*. В основном вспомогательный глагол несет на себе грамматическую функцию: на нем маркируются все необходимые грамматические категории, например, вид, время, адресивность и др. (пример 2), однако он не является обязательным компонентом конструкции и может быть опущен (пример 3).

Сама по себе форма на *-tari* обычно употребляется как деепричастие, а для использования в других синтаксических позициях после нее чаще всего ставится вспомогательный глагол, но так происходит далеко не всегда. Так, в примере 2 вспомогательный глагол используется для образования номинализированной группы от двух глаголов в форме на *-tari*, а в примере 3 он опущен, послелог присоединяется

¹ Список сокращений: ACC – аккузатив, ADR – адресив, ADV – адвербиальная форма, APPR – аппроксиматор, ATR – атрибутивная форма, AUX – вспомогательный глагол, CNV – конверб, COP – глагол-связка, DAT – датив, GEN – генитив, INST – инструменталис, NEG – отрицание, NML – субстантиватор, NOM – номинатив, PAST – прошедшее время, PL – множественное число, POT – потенциалис, PMT – презумптив, PRG – прогрессив, PRS – презенс, PRT – частица, QUOT – цитационный союз, TOP – топик, VRB – вербализатор.

непосредственно к самой форме на *-tari*, и таким образом происходит упрощенная номинализация (*dattari* [*suru no*] *ga*).

- (2) *kezut-tari* *kiridashi-tari* *su-ru* *no* *ga*
 строгать-APPR рубить-APPR VRB-PRS NML NOM
i-ru *n* *ja* *na-i* *ka*
 необходимый-PRS NML COP.TOP NEC-PRS Q

to omot-te [Устный корпус]

QUOT думать-CNV

«думаю, что нужны еще [инструменты], чтобы **строгать, рубить и т.п.**»

- (3) *De sono sai* *ni wa kitto* *sono kagu*
 И этот случай DAT TOP непременно этот мебель
dat-tari *ie* *dat-tari* *ga* *subarashi-i*
 COP-APPR дом COP-APPR NOM замечательный-PRS
kaseki *toshite* *hakkutsu-s-are-te*
 окаменелость как откапывать-VRB-PASS-CNV
tatae-rare-ru *hazu* *des-u* [Устный корпус]
 прославлять-PASS-PRS должно.быть COP.ADR-PRS

«И в этом случае непременно этот **дом, утварь** и т.п. откопают и прославят в качестве выдающейся окаменелости.»

Количество форм внутри одной конструкции также является значимым синтаксическим параметром, влияющим, в том числе, на семантику этой формы. Так, только при двух формах на *-tari*, выражающих противоположные действия/состояния, данная конструкция приобретает так называемое интермиттентное значение¹, указывающее на прерывистый характер ситуации. «Прерывность может носить разный характер: ситуация может чередоваться с ее отсутствием; ситуации могут чередоваться друг с другом; они могут одновременно разворачиваться с разным набором актантов, образующим совокупность» [2, с. 233]. Важно, что описываемая ситуация ограничивается лишь этими двумя действиями/состояниями, а исходное репрезентативное значение, т.е. значение неполного перечисления, при этом пропадает.

- (4) *dokodemo jiyuu* *ni it-tari* *ki-tari*
 везде свободно ADV ходить-APPR приходить-APPR
deki-ru *hi ga hontoo* *ni ku-ru*
 VRB-PRS день NOM действительно ADV приходить-PRS
Kamoshirenai [Устный корпус]

возможно

«Может, действительно настанет день, в который [без паспортов и виз] можно будет свободно **приезжать и уезжать**»

¹ Это понятие было введено в работе И.Ф. Вардуля [3, с. 95].

- (5) *Yama no ue ni komot-te ut-tari*
 Гора GEN верх DAT уединяться-CNV продавать-APPR
kat-tari no shiji o dashi-te
 покупать-APPR GEN указание ACC давать-CNV
i-ru [Художественный корпус]
 AUX.DIR-PRS

«Сидит на [своей] горе и раздает указание, [где что] **купить** и **продать**»

Однако в нашей работе [4], посвященной семантике этой формы, демонстрируется общность природы интермиттентного значения и собственно репрезентативного значения. Так, бывают случаи, когда после двух пар антонимов на *-tari* список продолжен («играла то **медленно**, то **быстро**, то **резко**, то **сентиментально**»). Кроме того, не всегда можно однозначно определить, является ли некая пара на *-tari* выражением противоположных действий/состояний в данном контексте или же это примеры из открытого ряда. Таким образом, в принципе при любом интермиттентном значении список может быть расширен [4, с. 23].

Важно отметить, что функция репрезентации более полно выражается при использовании сочинительного ряда из нескольких типичных событий при описании ситуации. В этом случае и говорящий, и слушающий, как правило, могут без труда дополнить список другими похожими действиями (пример 6).

- (6) *Yappari dooshitemo uchi ni i-tari burabura*
 Все-таки в.любом.случае дом DAT быть-APPR бродить
shi-tari soto ni de-chat-tari tteyuu
 VRB-APPR снаружи DAT выходить-S-APPR QUOT
jootai ni nar-u [Художественный корпус]
 ситуация DAT стать-PRS

«В любом случае, сложилась такая ситуация, что я **сидел** дома, бесцельно **бродил**, **выходил** на улицу [и все такое прочее].»

При употреблении же одной формы на *-tari* исходное значение репрезентации чаще всего исчезает. В этом случае форма на *-tari* ведет себя как аппроксимативная единица, размывая действие, о котором идет речь («типа», «как бы») и не подразумевает наличие других подобных действий¹. Подобного рода одиночное употребление часто может сопровождаться дополнительными прагматическими эффектами, например, выступать как средство вежливости (пример 7), выражать пренебрежительное отношение к ситуации (пример 8) и т.п.

¹ Подробнее о грамматике средств выражения нечеткой номинации в совместной работе В.И. Подлесской и А.В. Стародубцевой [7].

- (7) *Sankoobunken o oshie-te mora-e-tari*
 Библиография ACC объяснить-CNV AUX.BEN-POT-APPR
shi-tara ureshi-i na [9, p. 115]
 VRB-COND радостный-PRS PRT
 «Я был бы рад, если б ты **объяснил** мне справочную литературу»
- (8) *Naze kamera o mochikon-dari shi-ta*
 Зачем фотоаппарат ACC приносить-APPR VRB-PST
no ka wakar-ana-i [8, p.161]
 NML Q знать-NEG-PRS
 «Я не знаю, почему он постоянно **приносит** фотоаппарат (как это глупо!))»

Что касается синтаксических позиций, то конструкция на *-tari* может формировать как сказуемое независимого предложения (пример 9), так и вершину зависимой предикации, выступая в роли сентенциального сирконстанта (примеры 1, 7), актанта (примеры 2, 3, 6, 8) и относительного (определятельного) придаточного (примеры 4, 5).

- (9) *Naoko ga kurasumeeto no onnanoko o*
 Наоко NOM одноклассник GEN девочка ACC
tsure-te ki-te yonin de doobutsuen
 брать-CNV AUX.DIR-CNV четыре.человека INS зоопарк
ni it-tari piuru ni oyogi ni
 DAT ходить-APPR бассейн DAT плавать.CNV DAT
it-tari eiga o mi ni it-tari
 ходить-APPR кино ACC смотреть.CNV DAT идти-APPR
shi-ta [Художественный корпус]
 VRB-PST
 «Наоко вместе с одноклассниками вчетвером **ходили** в зоопарк, [**ходили**] плавать в бассейн, [**ходили**] смотреть кино и т.д.»

Являются ли все три вышеуказанных параметра (наличие/отсутствие вспомогательного глагола, одиночная/многочкратная формы на *-tari* и синтаксическая позиция самой конструкции – вершина/зависимое) независимыми друг от друга параметрами или между ними существует статистически значимая связь? Для проверки гипотезы о статистически значимой связи между этими параметрами воспользуемся критерием χ -квадрат. Поскольку нам предстоит иметь дело с данными, организованными в таблицу 2×2 , то для такого рода проверок стоит использовать исправленный критерий χ -квадрат Йейтса (Yates-corrected chi-square statistic).

2. Выбор материала исследования

Исследование данной конструкции проводилось на материале следующих трех корпусов.

1. Корпус блогов, состоящий из 504 случайных предложений с конструкцией на *-tari*, взятых с интернет-портала *Yahoo!* за 2008 г. Данная коллекция текстов (52 680 статей, около 10 300 тыс. словоупотреблений) доступна в составе онлайн-версии *Chunagon* «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (англ. *Balanced corpus of contemporary written Japanese*).

2. Устный корпус, состоящий из 532 примеров, содержащих конструкцию на *-tari* и взятых методом сплошной проверки из «Корпуса японской разговорной речи» (яп. *Nihongo Hanashikotoba Koopasu*, англ. *The Corpus of Spontaneous Japanese*). Для работы был выбран частично подготовленный монолог. Исследуемый материал составляет 116 аудиозаписей общим звучанием 23 часа.

3. Художественный корпус, представляющий собой 528 предложений с конструкцией на *-tari*, взятые из текстов современного японского писателя Харуки Мураками методом сплошной выборки. Общий объем всех текстов составляет 2 366 страницы и 1 598 024 знака без пробелов.

Выбор подобного материала для исследования продиктован различиями в дискурсивных характеристиках этих корпусов. Перечислим некоторые из них в соответствии с классификацией, изложенной в работе А.А. Кибрика [5].

1. Канал передачи информации. Устный корпус относится к устному каналу, художественный корпус – к письменному, а корпус блогов – к электронному каналу передачи информации.

2. Жанр. Устный корпус представлен форматом частично подготовленного монолога на определенную тему. В большинстве случаев рассказ носит нарративный (повествовательный характер) и обладает соответствующими этому характеру свойствами (например, наличием организующих рассказ элементов). Художественный корпус по своему жанру относится к роману. Наибольшую трудность в определении жанра и места в системе дискурса представляют собой блоги. С точки зрения содержания они довольно разнообразны, а их особенностью является комбинация различных типов дискурса. Чаще всего блоги ориентированы на выражение собственного мнения о событиях личного или общественного характера и представляют собой монологический дискурс виртуального коммуниканта.

3. Функциональный стиль. Художественный корпус может быть представлен как бытовым (диалоги героев), так и художественным стилем (слова автора). Стиль устного корпуса можно охарактеризовать как

официальный – все говорящие используют вежливые адресивные формы и говорят на литературном языке, поскольку выступление происходит публично перед незнакомой аудиторией. Наибольшую трудность в выделении функционального стиля снова вызывает корпус блогов, в котором возможно смешение абсолютно всех стилей. Одним из основных различий функциональных стилей является использование лексических единиц соответствующего типа. В блогах же встречается как жаргонизмы и сленговые выражения, так и выражения, типичные для официального стиля.

4. Формальность. Градуальное противопоставление по формальности, основанное на характере социальных отношений между говорящим и адресатом, представляется особенно важным в свете исследования японской речи, поскольку находит отражение на всех уровнях языка: лексике, грамматике и даже синтаксисе.

Выбор той или иной языковой формы зависит от множества факторов: социальное положение, возраст, пол, исполнение тех или иных социальных ролей и т.п.¹ Устный корпус представляет собой формальные отношения между говорящим и слушающим. В художественном корпусе в зависимости от выбранного фрагмента текста быть представлены как формальные, так и неформальные отношения. Что касается формальности корпуса блогов, то тут не может однозначного ответа, поскольку это целиком зависит от личных предпочтений каждого конкретного автора блога.

Таким образом, во всех трех корпусах демонстрируются абсолютно разные дискурсивные характеристики, что позволяет провести исследование на обширном и разнообразном материале. Наличие всего лишь одного автора, представляющего художественный корпус, можно отнести к недостаткам работы, но нашей задачей было сопоставление между собой корпусов с различными характеристиками, поэтому мы надеемся, что для этой цели корпус уместен.

3. Корреляция в корпусе блогов

В корпусе блогов по каждому из трех параметров распределение примеров произошло примерно поровну. Так, по параметру наличие/отсутствие вспомогательного глагола распределение было 50% на 50%, по параметру одиночная/многократная форма – 51% на 49%, а по параметру зависимое/вершина – 53% на 47%. Построим таблицы сопряженности для каждой пары параметров (таблицы 1–3).

¹ Подробней об этом говорится, в частности, в работе В.М. Алпатова [1, с. 15–19].

Таблица 1

Абсолютные частоты встречаемости разных синтаксических позиций среди одиночных и многократных форм на *-tari* в корпусе блогов

Синтаксическая позиция <i>-tari</i>	Одиночная/многократная форма на <i>-tari</i>		Одиночные формы, %
	Одиночная форма (259)	Многократная форма (245)	
Вершина (237)	150	87	63,3%
Зависимое (267)	109	158	40,8%
Вершина, %	57,9%	35,5%	

$(\chi^2 = 24,48) \gg (\chi^2_{кр} = 7,88)$ при уровне значимости $\alpha = 0,005$.

Связь между данными параметрами статистически значима.

Среди вершинных сказуемых наблюдается больше одиночных форм, а среди зависимых – многократных форм. Одиночные формы чаще всего стоят в позиции вершинного сказуемого, а многократные формы – в позиции зависимого сказуемого (таблица 1).

Таблица 2

Абсолютные частоты встречаемости разных синтаксических позиций среди примеров с наличием и отсутствием вспомогательного глагола при форме на *-tari* в корпусе блогов

Синтаксическая позиция <i>-tari</i>	Наличие/отсутствие вспомогательного глагола		Со вспомогательным глаголом, %
	Со вспомогательным глаголом (252)	Без вспомогательного глагола (252)	
Вершина (237)	157	80	66,2%
Зависимое (267)	95	172	35,6%
Вершина, %	62,3%	31,7%	

$(\chi^2 = 46) \gg (\chi^2_{кр} = 7,88)$ при уровне значимости $\alpha = 0,005$.

Связь между данными параметрами статистически значима.

При вершинном сказуемом чаще ставится вспомогательный глагол, а при зависимом сказуемом – нет. Конструкции со вспомогательным глаголом чаще всего стоят в позиции вершинного сказуемого, а конструкции без вспомогательного глагола – в позиции зависимого (таблица 2).

Таблица 3

Абсолютные частоты встречаемости одиночных и многократных форм на *-tari* среди примеров с наличием и отсутствием вспомогательного глагола при форме на *-tari* в корпусе блогов

Одиночная/ многократная форма на <i>-tari</i>	Наличие/отсутствие вспомогательного глагола		Со вспомогательным глаголом, %
	Со вспомогательным глаголом (252)	Без вспомогательного глагола (252)	
Одиночная форма (259)	157	102	60,6%
Многократная форма (245)	95	150	38,8%
Одиночные формы, %	62,3%	40,5%	

$(\chi^2 = 22,68) >> (\chi^2_{кр} = 7,88)$ при уровне значимости $\alpha = 0,005$.

Связь между данными параметрами статистически значима.

Одиночные формы чаще употребляются со вспомогательным глаголом, а многократные формы – без него. Среди случаев со вспомогательным глаголом больше всего одиночных форм, а без вспомогательного глагола – многократных форм (таблица 3).

Выводы по корпусу блогов

Сопоставление трех параметров в корпусе блогов: «наличие/отсутствие вспомогательного глагола», «одиночная/многократная форма на *-tari*» и «вершинная позиция / зависимая позиция» показало существование корреляционной связи внутри каждой из сопоставляемых пар признаков:

- одиночная форма на *-tari* чаще употребляется со вспомогательным глаголом, а многократная форма – без него;
- вершинное сказуемое чаще употребляется со вспомогательным глаголом, а зависимое – без вспомогательного глагола;
- одиночная форма на *-tari* чаще стоит в позиции вершинного сказуемого, а многократная форма – в позиции зависимого сказуемого.

4. Корреляции в устном корпусе

В устном корпусе примерно поровну распределились случаи употребления формы на *-tari* со служебным глаголом (52%) и без него (48%). Что касается распределения по синтаксическим позициям и количеству форм, то значительный перевес был у позиции зависимого сказуемого

(76%) и одиночной формы (75%), чем у вершинного сказуемого (24%) и нескольких форм на *-tari* (25%). Аналогичным образом построим таблицы сопряженности для каждой пары сопоставляемых параметров на основе данных по устному корпусу (таблицы 4–6).

Таблица 4

Абсолютные частоты встречаемости разных синтаксических позиций среди одиночных и многократных форм на *-tari* в устном корпусе

Синтаксическая позиция <i>-tari</i>	Одиночная/многократная форма на <i>-tari</i>		Одиночные формы, %
	Одиночная форма (399)	Многократная форма (133)	
Вершина (129)	107	22	82,9%
Зависимое (403)	292	111	72,5%
Вершина, %	26,8%	16,5%	

($\chi^2 = 5,19$) >> ($\chi^2_{кр} = 3,83$) при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Связь между данными параметрами статистически значима.

Одиночная форма преобладает во всех синтаксических позициях, но в позиции вершины ее доля чуть выше. Позиция зависимого сказуемого преобладает независимо от числа форм на *-tari*, но среди многократной формы ее доля выше (таблица 4).

Таблица 5

Абсолютные частоты встречаемости разных синтаксических позиций среди примеров с наличием и отсутствием вспомогательного глагола при форме на *-tari* в устном корпусе

Синтаксическая позиция <i>-tari</i>	Наличие/отсутствие вспомогательного глагола		Со вспомогательным глаголом, %
	Со вспомогательным глаголом (274)	Без вспомогательного глагола (258)	
Вершина (129)	104	25	80,6%
Зависимое (403)	170	233	42,2%
Вершина, %	38%	9,7%	

($\chi^2 = 56,27$) >> ($\chi^2_{кр} = 7,88$) при уровне значимости $\alpha = 0,005$.

Связь между данными параметрами статистически значима.

При вершинном сказуемом чаще всего употребляется вспомогательный глагол, а при зависимом сказуемом вспомогательный глагол

часто отсутствует. Зависимая позиция преобладает в случае и наличия, и отсутствия вспомогательного глагола, но при отсутствии вспомогательного глагола эта доля выше (таблица 5).

Таблица 6

Абсолютные частоты встречаемости одиночных и многократных форм на *-tari* среди примеров с наличием и отсутствием вспомогательного глагола при форме на *-tari* в устном корпусе

Одиночная/ многократная форма на <i>-tari</i>	Наличие/отсутствие вспомогательного глагола		Со вспомогательным глаголом, %
	Со вспомогательным глаголом (274)	Без вспомогательного глагола (258)	
Одиночная форма (399)	219	180	54,9%
Многократная форма (133)	55	78	41,4%
Одиночные формы	79,9%	69,8%	

($\chi^2 = 6,78$) >> ($\chi^2_{кр} = 3,83$) при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Связь между данными параметрами статистически значима.

При одиночных формах чаще всего присутствует вспомогательный глагол, а при многократных – нет. Одиночные формы преобладают независимо от наличия или отсутствия вспомогательного глагола, но их доля среди конструкций со вспомогательным глаголом выше (таблица 6).

Выводы по устному корпусу

Сопоставление трех параметров: «наличие/отсутствие вспомогательного глагола», «одиночная/многократная форма на *-tari*» и «синтаксическая позиция» показало существование следующих корреляционных связей:

- вершинное сказуемое чаще употребляется со вспомогательным глаголом, а зависимое – без вспомогательного глагола; зависимая позиция преобладает независимо от наличия или отсутствия вспомогательного глагола;
- одиночная форма на *-tari* чаще употребляется со вспомогательным глаголом, а многократная форма – без него; одиночные формы преобладают независимо от наличия или отсутствия вспомогательного глагола;
- одиночная форма преобладает во всех синтаксических позициях; позиция зависимого сказуемого преобладает независимо от числа форм на *-tari*.

5. Корреляции в художественном корпусе

В художественном корпусе распределение примеров по параметру зависимое/вершина произошло 50% на 50%, по параметру одиночная/многократная форма – 44% на 56%, а по параметру наличие/отсутствие вспомогательного глагола – 86% на 24%. Аналогичным образом построим таблицы сопряженности для каждой пары сопоставляемых параметров на основе данных по художественному корпусу (таблицы 7–9).

Таблица 7

Абсолютные частоты встречаемости разных синтаксических позиций среди одиночных и многократных форм на *-tari* в художественном корпусе

Синтаксическая позиция <i>-tari</i>	Одиночная/многократная форма на <i>-tari</i>		Одиночные формы, %
	Одиночная форма (230)	Многократная форма (298)	
Вершина (263)	116	147	44,1%
Зависимое (265)	114	151	43%
Вершина, %	50,4%	49,3%	

$(\chi^2 = 6,78) > (\chi^2_{кр} = 3,83)$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Связь между данными параметрами отсутствует.

Число форм на *-tari* и синтаксическая позиция никак не связаны (таблица 7).

Таблица 8

Абсолютные частоты встречаемости разных синтаксических позиций среди примеров с наличием и отсутствием вспомогательного глагола при форме на *-tari* в художественном корпусе

Синтаксическая позиция <i>-tari</i>	Со вспомогательным глаголом (453)	Без вспомогательного глагола (75)	Со вспомогательным глаголом, %
Вершина (263)	247	16	94%
Зависимое (265)	206	59	77,8%
Вершина, %	54,5%	21,3%	

$(\chi^2 = 27,04) >> (\chi^2_{кр} = 7,88)$ при уровне значимости $\alpha = 0,005$.

Связь между данными параметрами статистически значима.

Во всех синтаксических позициях преобладает вспомогательный глагол, но его доля среди вершинных сказуемых выше, чем среди зависимых.

Конструкции со вспомогательным глаголом чаще всего стоят в позиции вершинного сказуемого, а конструкции без вспомогательного глагола – в позиции зависимого (таблица 8).

Таблица 9

Абсолютные частоты встречаемости одиночных и многократных форм на *-tari* среди примеров с наличием и отсутствием вспомогательного глагола при форме на *-tari* в художественном корпусе

Одиночная/ многократная форма на <i>-tari</i>	Наличие/отсутствие вспомогательного глагола		Со вспомогательным глаголом, %
	Со вспомогательным глаголом (453)	Без вспомогательного глагола (75)	
Одиночные (230)	197	33	85,7%
Многократные (298)	256	42	85,9%
Одиночные формы, %	43,5%	44%	

$(\chi^2 = 0,002) < (\chi^2_{кр} = 3,84)$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Связь между данными параметрами отсутствует.

Количество форм не связано с наличием или отсутствием вспомогательного глагола (таблица 9).

Выводы по художественному корпусу

Сопоставление трех параметров: «наличие/отсутствие вспомогательного глагола», «одиночная/многократная форма на *-tari*» и «синтаксическая позиция» показало следующие результаты:

- конструкции со вспомогательным глаголом чаще всего стоят в позиции вершинного сказуемого, а конструкции без вспомогательного глагола – в позиции зависимого; во всех синтаксических позициях преобладает вспомогательный глагол;
- признак одиночной/многократной формы на *-tari* никак не связан с наличием/отсутствием вспомогательного глагола и синтаксической позицией.

6. Общие выводы

На основе анализа синтаксических характеристик конструкции на *-tari* во всех трех корпусах была обнаружена корреляция между синтаксической позицией этой конструкции и наличием/отсутствием вспомогательного глагола. Так, конструкции со вспомогательным глаголом чаще

стоят в позиции вершинного сказуемого, а конструкции без вспомогательного глагола – в позиции зависимого. Данная корреляция может быть объяснена тем, что в японском языке различные грамматические категории (время, адресивность, наклонение и т.п.) чаще всего указываются на финальном сказуемом, поэтому в этой позиции оправдано наличие вспомогательного глагола, на котором маркируются все эти функции.

В устном корпусе и корпусе блогов обнаружена корреляция между количеством форм внутри конструкции и наличием вспомогательного глагола. Так, конструкции с одиночной формой на *-tari* чаще встречаются со вспомогательным глаголом, а конструкции с несколькими формами – без него. Скорее всего, этот результат тесно связан с наличием еще одного распределения, обнаруженного в корпусе блогов: конструкции с одиночной формой чаще встречаются в позиции вершинного сказуемого, а нескольких форм на *-tari* – в позиции зависимого сказуемого.

В целом же, полученный по корпусу блогов результат может отражать различие дискурсивных ролей этих двух групп. Так, с точки зрения структуры дискурса, одиночная форма скорее описывает ситуацию, принадлежащую основной нарративной линии, в то время как конструкция с несколькими формами на *-tari* в большинстве случаев служит фоном. В синтаксисе подобные различия дискурсивных ролей может выражаться в синтаксической позиции, когда одиночные формы тяготеют к позиции сказуемого, а конструкции с несколькими формами на *-tari* чаще занимают позиции зависимого сказуемого. Скорее всего, это связано с тем, что употреблению одиночной формы на *-tari* часто сопутствуют дополнительные прагматические эффекты (презрительное отношение, шутка, вежливость, смягчение и т.п.), благодаря которым эта форма выполняет главную роль в предложении. Употребление же нескольких форм на *-tari* почти всегда связано с исходным значением репрезентации, которое часто сопутствует главному действию.

Корпус блогов оказался самым сбалансированным с точки зрения распределения примеров по указанным параметрам, что позволило получить две группы с разными наборами признаков. В оставшихся двух корпусах подобного распределения не получилось в силу значительного перевеса числа конструкций с одиночной формой и позицией зависимого предиката в устном корпусе (75–76%) и конструкций со вспомогательным глаголом в художественном корпусе (86%). Причины этого заключается, как нам кажется, в особенностях дискурса этих двух корпусов.

Так, художественный корпус по своему жанру относится к роману и может быть представлен как бытовым стилем (диалоги героев), так и художественным (слова автора), но в обоих случаях чаще всего автор использует вспомогательный глагол после формы на *-tari*, избегая различного рода эллипсисов, присущих неформальной живой речи. В устном корпусе жанр заранее оговорен выборкой и представляется собой

формат частично подготовленного монолога, стиль которого можно охарактеризовать как официальный. Однако в силу спонтанности устной речи наблюдается, во-первых, частое использование срединных форм при построении нарратива вместо заключительного сказуемого (когда говорящий не стремится оформить до конца свою мысль, указав финитное сказуемое, а продолжает объединять в одно предложение потенциально бесконечное число предикатов). Во-вторых, в устном корпусе наблюдается явное преобладание одиночных форм на *-tari* при исходном значении репрезентации, поскольку часто говорящий не успевает придумать большее число примеров и останавливается только на одном.

Электронный же дискурс характеризуется своим промежуточным положением: по форме язык блогов письменный, а структурно и по сути часто оказывается близок к устному [6, с. 7]. Однако, в отличие от устного корпуса, в корпусе блогов не используются в таком количестве срединные формы при построении нарратива, их заменяют простые финитные формы, кроме того, у говорящего (пишущего) есть возможность заранее подготовить свою речь и придумать не один, а несколько примеров при репрезентации. В отличие же от более формального художественного корпуса, в корпусе блогов вспомогательный глагол чаще может быть опущен. Все вышеизложенное в некоторой степени объясняет причины относительно ровного распределения в корпусе блогов примеров с конструкцией на *-tari* по трем структурным параметрам и отсутствие этого распределения в других корпусах.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском литературном языке. М., 1973. 2-е изд. М., 2006.
2. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008.
3. Вардуль И.Ф. Значение суффикса *-tari* в современном японском языке // Японский язык. М., 1963. С. 94–106.
4. Дегтярева А.В. О значении японской формы на *-tari* // Московский лингвистический журнал. 2015. № 8. С. 14–29.
5. Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
6. Кронгауз М.А. Новая иерархия: в интернете как в жизни, сначала побеждает сильный, а потом все равно умный // Независимая газета. Приложение. 2009. № 23. С. 7.
7. Подлесская В.И., Стародубцева А.В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 25–41.
8. Suzuki S. Expressivity of vagueness: Alienation in verb *-tari suru* construction // Japanese language and literature. 2008. V. 42. № 1. P. 157–169.
9. Yamato A. The unexpectedness of “*tari*” and its politeness effect: the usages in contexts of request // Tsukuba Journal of Applied Linguistics. 2008. № 15. P. 115–125.
10. 日本語文型辞典 – 東京: くろしお出版, 1998.

Е.Б. КОЗЕРЕНКО

Синтаксическая многозначность и неоднозначность в перспективе машинного перевода

В статье рассматриваются вопросы выявления семантического содержания синтаксических структур английского и русского языков посредством их контрастивного сопоставления, а также с привлечением анализа параллельных текстов для решения задач машинного перевода. Особое внимание уделяется рассмотрению явлений синтаксической многозначности и неоднозначности, предлагаются механизмы представления многозначных синтаксических структур для лингвистических процессоров информационных систем. Предлагаемые решения основаны на принципе выражения функциональных значений через традиционные категориальные значения атомарных и распространенных языковых структур. Синтаксическая многозначность понимается как одновременная реализация более одного категориального значения в головной вершине некоторой синтаксической структуры. Явление синтаксической многозначности определяет схему возможного мновариантного перевода (трансфера) языкового паттерна. Разработанная система многовариантных правил трансфера в дальнейшем уточняется с помощью методов машинного обучения.

Ключевые слова: машинный перевод, синтаксис, семантика, трансфер, линейные структуры, разрешение неоднозначности.

1. Introduction

The establishment of structures equivalence on the basis of functional semantics proved to be useful for developing the syntactic parse and transfer rules module for the English – Russian machine translation [21]. Generally, major efforts connected with natural language modeling lay emphasis at lexical semantics presentations and less attention is paid to the semantics of structures and establishment of functional similarity of language patterns as a core problem in multilingual systems design.

The set of functional meanings together with their categorial embodiments serves the source of constraints for the unification mechanism in the formal presentation of our grammar. The formalism developed employs feature-based parse, and head-feature inheritance for phrase structures which are singled out on the basis of functional identity in the source and target languages.

A constraint-based formalism which is called the Cognitive Transfer Grammar [21] was developed. It comprised 222 transferable phrase structures together with the transfer rules combined within the same pattern. Such patterns, or Cognitive Transfer Structures (CTS), served constitutional components of the declarative syntactical processor module and encoded both linear precedence and dependency relations within phrase structures.

However, the syntactic structures of natural languages in many cases tend to be polysemous and ambiguous which results in multiple possible transfers from one language to another. The systemic study of polysemous syntactic structures is carried out on the basis of functional transfer principle, and cross-lingual correspondences between the English and Russian languages are encoded in the multivariant cognitive transfer rules.

2. Polysemy of Syntactic Structures

By syntactic polysemy we mean the immediate realization of *more than one categorial meaning within the head* element of a language structure. The polysemous structures display variable manifestation of their categorial features depending on the functional role in the sentence. Consider such language phenomena as the Gerund, the Participle and the Infinitive.

The Gerund comprises the features of both the Verb and the Noun, which affects the translation strategy when the appropriate means are to be chosen for representation of the English Gerund via the Russian language forms. The structures similar in category to the English Gerund are the Russian Verbal Nouns denoting “Activity”, e.g. *singing* → *penie*, *reading* → *chtenie*, and both the English Gerund, and the Russian Verbal Noun allow direct object arguments if derived from transitive verbs. However, the direct transfer of the Gerund into the Russian Verbal Noun is the least probable translation variant of the three possible transfer schemes:

The Gerund (Eng) → Clause with the Finite Verb form (Rus)

The Gerund (Eng) → Clause with the Infinitive

The Gerund (Eng) → Verbal Noun.

This fact can be accounted for by the mechanisms employed in the Russian language for configuring sentential structures and is to be envisaged in the machine translation engine.

Consider the other most productive polysemous language structures which comprise more than one categorial meaning:

The Participle → Verb + Adjective

The Infinitive → Verb + Noun

Nominal Phrase as the Nominal Modifier → Noun + Adjective

Verbal Phrase as the Verbal Modifier → Verb + Adverb.

Thus we introduce the notion “polysemous syntactic structure” to determine the set of possible transfer schemes for a given language structure. When a polysemous structure is assigned specific categorial attributes realized in this structure, the possible and preferable transfer schemes become predictable for the given structure.

The predominant categorial meaning of a polysemous syntactic structure (or *syntaxeme*) is determined by the syntactic function realized at a given moment. Thus the transfer scheme for a “*stone wall*” construction will be as follows:

Noun1 + Noun 2 [Eng.] → Adjective + Noun 2 [Rus]

The weight for this transformation will be higher than for the transformation:

Noun1 + Noun 2 [Eng.] → Noun 2 + Noun1 (Genitive) [Rus]

if the dictionary contains an Adjective as one of the possible translation equivalents for Noun1, that is the case when the dictionary is composed by various methods including acquisition of lexical units from parallel texts.

Judging by the function we establish the transfer field [21] within which the translation procedure will be carried out. The Functional Transfer Fields (FTF) support the possible paraphrasing variants and envisage the synonymous ways of conveying the same functional meaning across languages.

The syntactic polysemy manifests the action of the mechanism of the transposition of meaning stated by the Semiotic Universal Grammar [29]. The awareness of the mechanism action gives cues to designing the procedures for polysemous structures parse and transfer, the multiple syntactic-semantic data structures being associated with a given syntactic pattern.

Of special interest is the situation of the categorial shift in translating a syntactic pattern. The category of a syntactic pattern, i.e. phrase structure, is determined by the category of the head word of this phrase structure. Thus, when transfer employs conversion, and the category of the head word shifts to another category, the whole structure is assigned the feature of the new category. Thus a Nominal modifier of a Nominal Phrase becomes an Adjective in translation; a Verbal unit acting as a Verbal modifier becomes an Adverbial clause containing the Finite Verbal form. The latter case accords with the SUG principle of the Verb being the Sentence Nucleus [29].

3. Ambiguity of Syntactic Structures

We find it important to differentiate between polysemous and ambiguous syntactic structures. A *polysemous* structure implies possible realizations of meanings which are compatible within one language structure and can be transferred to the structures of another language which are isofunctional to the source language structure. An *ambiguous* syntactic structure presupposes alternative ways of interpretation, the meanings being incompatible within one language structure, thus we deal with ambiguity when we try to discern some Finite and Nonfinite verbal forms:

Gerund / Present Participle;

Infinitive / Present Simple;

Past Participle / Past Simple.

Ambiguous structures can be misleading to the parsing procedures and subsequent machine translation, as for example, the “garden path” is a well-known language phenomenon which may give incorrect parse at the early stage of analysis, that could be corrected only at the final stage:

The cars passed by the vessel drowned.

The possible interpretations for the sentence can be

The cars which were passed via the vessel drowned (the correct variant).

The cars which passed the vessel drowned.

However, the phrase

The new control system updated continuously displayed robust performance.

was analyzed and translated correctly by all the tested modern MT systems which comprise learning mechanisms within their framework. This can be explained by the presence of the broader context.

4. Functional Semantics as the Basis for Contrastive Study

Translation activity involves the search for equivalence between structures of different languages. However, to establish whether the structures and units are equal or not, we need some general equivalent against which the language phenomena would be matched. In Contrastive Linguistics the notion of *tertium comparationis* is widely employed to denote this general equivalent, and in [2; 11] it was demonstrated that the approach based on the principle “from the meaning to the form” focusing on Functional Syntax would yield the necessary basis for equivalence search. We also consider important the typological studies of syntax as in [32] that offer an alternative to the standard generative view of syntax: syntactic phenomena are presented from a wide range of languages and the emphasis is laid on the major typological issues that syntactic theories must address.

What differs our approach is the attention to the *semantics of configurations*, i.e. the study of the way languages tend to *arrange* structures in order to convey certain meanings. And we focus on the *linear* patterns of the languages under study, since we assume that linearization is not a random process but it is determined by the cognitive mechanisms of speech production and the way they manifest themselves in syntactic potentials of a given language. The research which gives evidence as to the mental control of coordinate structures linearization was presented in [1].

The primary object of our contrastive language study was to establish what particular language meanings are represented in the categorial-functional systems of the English and Russian languages. Categorial values embody the syntactic potentials of language units, i.e. their predictable behavior as syntactic structures (syntaxemes). Thus we can say that Category is the potential for Function, and multiple categorial values inflict multiple syntactic functions. However, when we analyze language in action, i.e. the utterances of written or sounding speech, the function of a particular language structure determines which of the potentials is implemented in this utterance, hence which of the possible categorial values of a polysemous syntactic structure is to be assigned to the parse result.

The fifteen major Functional Transfer Fields (FTF) singled out at the first stage of our development [21] comprised the basic groups of language configurations united on the principle of functional semantic similarity to the prototype functional structures and the possibility of language structures periphrasis within the same FTF. To illustrate the mechanism of polysemous structures transfer we take the *Secondary Predication* FTF and the *Attributiveness* FTF.

The *Secondary Predication* FTF bearing the features of verbal modifiers for the *Primary Predication* structures (the non-inverted Finite Verb forms and tensed verbal phrase structures bearing the Tense – Aspect – Voice features) includes the nonfinite verbal forms and constructions, and subordinate clauses comprising the finite verbal forms. All these are united by the functional meanings they convey, e.g. qualification, circumstance, taxis (ordering of actions), etc.

The following schemes of transfer into Russian are applicable to the phrase: *Feeling surprised seemed permanent*.

“Gerund + Participle II + Finite Verbal Phrase” → “Sentence” →

“Nominative Clause + Finite Verbal Phrase” (1)

Or

“Verbal Noun Phrase + Finite Verbal Phrase” (2)

The Participle in postposition to a Nominal Phrase most frequently would be transferred into a Russian Clause :

The material processed satisfied all the requirements.

“Nominal Phrase + Participle II + Finite Verbal Phrase” → “Sentence” →

→ “Nominal Phrase + Qualifying Clause + Finite Verbal Phrase” (1)

Or

“Nominal Phrase + Participle II + Finite Verbal Phrase” (2)

Attributiveness FTF: adjectives and adjectival phrases in all possible forms and degrees comprise the semantic backbone of this field; included here are also other nominal modifiers, such as nominal language units and structures (*stone wall* constructions, prepositional genitives – *of* – phrases), and other dispersed language means which are isofunctional to the backbone units.

Consider the phrases of the kind: “*a woman of means*”, “*a man of talent*”. Possible contexts might be as follows:

She was a woman of means.

He was a man of talent.

The multivariant transfer would comprise the following Russian phrase structures:

(1) with the Genitive construction;

(2) with the Qualifying Clause;

(3) with the Preposition “s” (Russian):

“Nominal Phrase 1 + *of* + Nominal Phrase 2” →

“Nominal Phrase 2 + Nominal Phrase 1 Genitive”

Or

“Nominal Phrase 1 + Qualifying Clause”

Or

“Nominal Phrase 1 + Prep “s” + Nominal Phrase 2 Instrumental”

The last variant would mean in Russian “*a woman with means*”, “*a man with talent*”.

We took into account the computational cost of the rule system which led us to a certain minimalism: we avoided introduction of abstract categories in rule design (having in mind the imperative known as Ockham's Razor: the notion that when presented with a choice of axioms or laws, or explanations, it is wise to choose the one that is the *simplest*). All the functional meanings were presented as feature – value structures based on traditional language categories.

5. Disambiguation Techniques: Rule-Based and Machine Learning Methods

The impact of differentiation between syntactic polysemy versus syntactic ambiguity consists in the following implementation decisions. An ambiguous structure is analyzed in alternative manner: each possible parse and transfer variant is presented as a separate rule, and constraints are introduced into the rule structure. A polysemous structure is assigned a multiple transfer scheme within one rule.

The mechanism of computational (contextual) reframing (CR) is being designed for treatment of the two major bottlenecks: syntactic derivation history (for words in a secondary, tertiary, etc. syntactic function) and syntactic polysemy of structures. Reframing models the use of the same structural unit in different structural and/or lexical contexts, which results in the difference of the meanings of this unit. The presentations for the syntactic module rest on the basis of traditional word categories. Contextual correlations associated with each function of a structural unit are established via stochastic data obtained from corpora study.

The detailed exploration of language structures comprising Functional Transfer Fields within the systems of the English and Russian languages and incorporating the phenomena of syntactic polysemy and ambiguity within the rule bloc leads to development of the Multivariant Cognitive Transfer Grammar (MCTG) which serves the foundation for parse and transfer of language structures with special stress on the periphery language means, i.e. the least investigated structures. At present the MCTG rule set comprises 347 rules for parse and transfer.

In our case the parse for MT is designed on the principle of functional semantic priority. The systemic presentation of transferable structures establishes the nodes which can be transferred from the source language to the target language, unlike the monolingual grammars where the parse rules result in structures which in many cases should be reordered or split to be interpreted via the structures of another language.

Thus the grammar formalisms developed for a unilingual situation (phrase structure rules systems for the English language) [6; 7; 14] would not give a transferable parse in many cases. For example, just one English phrase structure rule for simple sentence would suffice for grammar parse without translation, but for the English – Russian transfer a multiple structure of possible parses is required depending on the specific finite verbal form constituting the sentence. And to overcome this, an accurate scheme for all the particular verbal form cases is designed. Hence, a transferable grammar cannot be efficiently implemented by a mechanical composition of unilingual grammars: a semantic approach is required, and in our case, it is the employment of the functional transfer fields.

Since parse procedures sometimes may result in more than one possible structure, the rules and lexical entries are supplied with the probabilistic augmentations which serve for syntactic ambiguity resolution. The MCTG system of rules envisages the variants of transfer for the polysemous structures and separate alternative rules for ambiguous structures.

As natural language generates an infinite number of sequences, *learning mechanisms* are incorporated into the parse engine: information about unfamiliar words and structures can be inferred from the context. The data on

which the inference can be founded is accumulated by learning on parallel texts: a supervised algorithm is trained on a set of correct answers to the learning data, so that the induced model may result in more accurate decisions.

The lexical model employs the concise lexicon entries presenting categorical, morphological and combinatorial information supplied with the statistical data for each lexical item characterizing its distribution.

At present the learning paradigm involved into deciding the tasks of disambiguation and acquiring new language patterns is: the probabilistic approach based on Bayesian methods. The new model under development comprises the features of probabilistic functional tree substitution grammar (PFTSG). The learning techniques under design are aimed at coping with the major corpus-based statistical grammar extraction flaw, namely, the over-generation of rules. Thus we seek to develop the mechanisms of rule generalization without complicity increase.

We studied the existing results in the field of human cognitive mechanisms of language learning, as well as machine learning methods: there is substantial evidence that the way children learn their first language may be understood as information compression [9; 10]; the Optimality theory states the importance of grammatical architecture with the strict prioritization or ranking, rather than any scheme of numerical weighting.

Of particular interest for us was the study and comparison of various formal approaches, so that practical algorithmic solutions could be worked out, we adhere the strict lexicalism principle of the HPSG [25], i.e. word structure and phrase structure are governed by independent principles.

It is a well-known fact that the underlying tree representation plays a crucial role for the performance of a probabilistic model of grammar [18]. Probabilistic developments of the unification grammar formalism are given in [6; 7; 24]. A new probabilistic model for Combinatory Categorical Grammar is presented in [16].

The formalism of the Multivariant Cognitive Transfer Grammar (MCTG) featuring the mechanism of the Probabilistic Functional Tree Substitution Grammar (PFTSG) is being developed to comprise the presentation facilities both for constituency and dependency, as well as disambiguation instrumentality.

6. Modern Tendencies in Machine Translation

The research in the NLP area is substantially stimulated by the fact that the market for MT grows mature in 2002–2003, and more corporations realize that the implementation of a customized machine translation system can promote a company in the competition for today's multilingual customers. New solutions and combinations of methods are being set forward.

The appearance of large parallel texts corpora promoted the statistical methods of NLP which now augment the scheme of the principal existing approaches to MT design – direct translation, transfer and interlingua-based methods. A statistical machine translation was first introduced by [3; 31]. The development of speech-to-speech translation systems [13; 19] substantially stimulated the research in the field of MT. The existing computational resources provided for today's MT systems allow to accumulate and recall previously corrected translations (Translation Memory and Example-based Machine Translation) [8; 30]. A model for machine translation based on an aligned text corpus is example-based machine translation, which means that the example-based translation employs the closest match in aligned corpora as a template for translation. The descriptions of example-based MT systems are given in [23; 27].

The advantages of this approach consist in fully or to a great extent automating the process of linguistic knowledge base formation. However, the bottleneck emerges on the other side: the rules automatically constructed lack accuracy and are overgenerated, which requires post-editing of rules and special efforts and techniques for exclusion of invalid and superfluous rules.

Currently, there are also research projects developing formal models of translation [3; 20; 33], and implemented systems, such as LMT (logical-based machine translation system from English to German) [22] of IBM company.

The present day tendency of comprising the rule-based and stochastic techniques within one framework leads to the emergence of projects featuring the strong sides of diverse approaches.

When considering the performance of the systems we relied rather on subjective evaluation of translations correctness than any tools giving numeric expression of translation quality. The task to develop such tools is of great complicity, though at present some interesting methods have been set forward [17].

Usually, major shortcomings of machine translation tend to be reduced in three ways: by narrowing the problem scope of the texts to be translated and tuning to a subject area; by employment of shallow approaches which give results relevant for informational purposes; by creating program instruments for human translators. The more specific and domain-oriented a system is, the more robust performance can be expected from it. Thus a high degree of precision show such systems as, for example, ENGSPAN, SPANAM [26] which were used in the Pan American Health Organization.

Since we lay emphasis on the synergy of methods, and the present research is focused on the rule system design, of special interest for us were the projects and implemented systems based on the translation memory

approach or including example-based and learning-based techniques as a primary feature or as one of their features, for they are giving the complementary solutions for the problems which cannot be treated efficiently by logical approach alone. Thus we studied the systems with computationally relevant presentations of contexts. We studied the MT projects available in the Internet, tested their performance (when possible) and compared them with traditional rule-based MT systems. The best-known developments of this group are as follows.

SDLX of the SDL International employs translation memory (TM) and supports all languages having the Latin, Arabic and Hebrew alphabets [28]. TM is the basic feature of the products launched by the company in 2003: SDL insight and SDLX Translation Suite 2003.

DIPLOMAT machine translation system [33]. Rapid deployment is achieved through the use of Pangloss's example-based machine translation (EBMT) and transfer-based MT, within the Multi-Engine MT architecture, which uses a statistical target language model to help select between competing translations. This technology also makes the system's user-driven incremental improvement possible.

A combination of hand-made semantic descriptions and statistics was employed in Matador, a Spanish-English machine translation system, implemented following the Generation-heavy Hybrid approach to Machine Translation (GHMT) [12; 15].

“eAccela BizLingo” is web-based English-Japanese and Japanese-English translation server software that enables all employees on a company intranet to translate documents, email, and web pages; when used in conjunction with eAccela BizSearch, it can serve as a crosslingual search system for web servers, file servers, or groupware containing multiple documents or emails in both English and Japanese; the developer is Fujitsu Software Corporation [5].

It is obvious that at the present moment the systems tend to comprise several complementary techniques: translation memory solutions are combined with modules which help to increase grammatical accuracy.

7. Conclusions

Our analysis and development experiments result in understanding the efficiency of what might be called the “exteriorization of meaning”, i.e. accumulation of relevant data concerning the functional-categorical features of possible structural contexts and/or specific lexical contexts that help to disambiguate the parsed structures of the source language and decide on what particular meaning of a language structure is realized in the given text segment. Rather than invent a sophisticated antropocentric heuristics

for the rule-based disambiguation techniques via traditional linguistic presentations, we need to design a synthetic mechanism comprising the core rule set and reliable learning methods.

The rule set applicable both for the transfer procedures and for acquiring new linguistic data by corpora study should envisage the phenomena of syntactic polysemy and ambiguity of structures. The solution employed in our project is based on the Functional Transfer Fields approach grouping iso-functional language structures, and the Multivariant Cognitive Transfer Grammar (MCTG) comprising the rules which state the multiple equivalent structures in the source and target languages. The MCTG linguistic rule set is being augmented by Probabilistic Functional Tree Substitution Grammar (PFTSG) features. Since the nodes of the MCTG have functional articulation, the trees and subtrees of the possible parses also have functional character, i.e. are tagged by functional values.

Further research and development is connected with the refinement of the existing presentations, inclusion of specific lexical-based rules into the grammar system, and excessive corpora-based experiments for extending the mechanisms of multiple transfer.

References

1. Лауфер Н.И. Линеаризация как компонент сочинительной конструкции // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. М., 1987. С. 167–176.
2. Мустайоки А. Функциональный синтаксис как основа сопоставления языков // *Studia Slavica Finlandesica. Finnish Contributions to the 13th International Congress of Slavists*, Ljubljana, August, 15–21, 2003. Ljubljana, 2003. P. 100–127.
3. A statistical approach to machine translation / Brown P.F. a. al. // *Computational Linguistics*. 1990. № 16. P. 79–85.
4. Alshawh H., Bangalore S., Douglas S. Automatic acquisition of hierarchical transduction models for machine translation // *COLING/ACL–98*. Montreal, 1998. P. 41–47.
5. ATLAS – Translation software of Fujitsu Company. URL: <http://www.fujitsu.com/services/software/translation/bizlingo/> (date of the application: 12.01.2016).
6. Briscoe T., Carroll J. Automatic extraction of subcategorization from corpora // *Fifth Conference on Applied Natural Language Processing*. Washington, D.C., 1997. P. 356–363.
7. Briscoe T., Carroll J. Generalized Probabilistic LR parsing of natural language (corpora) with unification-based grammars // *Computational Linguistics*. 1993. № 19 (1). P. 25–59.
8. Brown R.D. Example-based machine translation in the Pangloss system // *COLING–96*. Copenhagen, 1996. P. 169–174.
9. Chater N. Reconciling simplicity and likelihood principles in perceptual organization // *Psychological Review*. 1996. № 103 (3). P. 566–581.

10. Chater N. The search for simplicity: a fundamental cognitive principle? // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1999. № 52 (2). P. 273–302.
11. Chesterman A. *Contrastive Functional Analysis*. (Pragmatics & Beyond. New Series 47). Amsterdam/Philadelphia, 1998.
12. Dorr B., Habash N. *Interlingua Approximation: A Generation-Heavy Approach* // AMTA–2002. *Interlingua Reliability Workshop*. Tiburon, CA, 2002.
13. Frederking R., Rudnicky A.I., Hogan C. Interactive speech translation in the DIPLOMAT project // *Proceedings of the ACL–97 Spoken Language Translation Workshop*. Madrid, 1997. P. 61–66.
14. Grover C., Carroll J., Briscoe T. *The Alvey Natural Language Tools Grammar (4-th Release)*. Technical Report, 1993, Computer Laboratory. University of Cambridge, 1993.
15. Habash N., Dorr B. Handling Translation Divergences: Combining Statistical and Symbolic Techniques in Generation-Heavy Machine Translation // AMTA–2002. Tiburon, California, USA, 2002.
16. Hockenmaier Ju. *Data and Models for Statistical Parsing with Combinatory Categorical Grammar*: Ph.D. thesis. University of Edinburgh, 2003. URL: www.ircs.upenn.edu/~juliahr/Dissertation/thesis.pdf (date of the application: 12.01.2016).
17. Hovy E., King M., Popescu-Belis A. Principles of Context-Based Machine Translation Evaluation // *Machine Translation*. 2002. Vol. 16. P. 1–33.
18. Johnson M. PCFG Models of Linguistic Tree Representations // *Computational Linguistics*. 1998. 24(4). P. 613–632.
19. Kay M., Gawron J., Norvig P. *Verbmobil: A Translation System for Face-to-Face Dialog*. CSLI. Stanford University, 1992.
20. Knight K., Al-Onaizan Y. Translation with finite-state devices // *Machine Translation and the Information Soup* / Farwell D., Gerber L., Hovy E.H. (eds.). Berlin, 1998. P. 421–437.
21. Kozerenko E.B. Cognitive Approach to Language Structure Segmentation for Machine Translation Algorithms // *Proceedings of the International Conference on Machine Learning, Models, Technologies and Applications*, June, 23–26, 2003, Las Vegas, USA. CSREA Press, 2003. P. 49–55.
22. Michael C. McCord. Design of LMT: a prolog-based machine translation system // *Computational Linguistics*. 1989. № 15(1). P. 33–52.
23. Nagao M. A framework of a mechanical translation between Japanese and English by analogy principle // *Artificial and Human Intelligence* / A. Elithorn and R.B. Banerji (eds.). Edinburgh, 1984. P. 173–180.
24. Osborne M., Briscoe T. Learning Stochastic Categorical Grammars // *Proceedings of CoNLL97: Computational Natural Language Learning* / T.M. Ellison, ed. Somerset, NJ, 1998. P. 80–87.
25. Pollard C., Sag I.A. *Head-Driven Phrase Structure Grammar*. Chicago, 1994.
26. Rico C. Translator Training in the European Higher Education Area. Curriculum Design for the Bologna Process. A Case Study // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2010. Vol. 4 (1). P. 89–114.
27. Sato S. CTM: An example-based translation aid system // *COLING–14*. Nantes, 1992. P. 1259–1263

28. SDL-Trados Machine Translation Studio. URL: <http://www.translationzone.com/products/trados-studio/> (date of the application: 12.01.2016).
29. Shaumyan S. Categorical Grammar and Semiotic Universal Grammar // Proceedings of The International Conference on Artificial Intelligence, IC-AI'03. Las Vegas, Nevada, 2003. P. 623–629.
30. Sumita E., Iida H. Experiments and prospects of example-based machine translation // ACL-91. Berkeley, CA, 1991. P. 185–192.
31. The mathematics of statistical machine translation: Parameter estimation / Brown P.F., S.A. Della Pietra, V.J. Della Pietra, R.L. Mercer // Computational Linguistics. 1993. № 19 (2). P. 263–311.
32. Valin, van Jr. R.D. Syntax: Structure, Meaning, and function. Cambridge, 1998.
33. Wu D., Wong H. Machine translation with a stochastic grammatical channel // COLING/ACL-98. Montreal, 1998. P. 1408–1414.

М.В. КОРОЛЕВА

Языковая ситуация в Шотландии: история и современный статус шотландского гэльского языка¹

В статье дается исторический обзор становления шотландского гэльского языка в контексте его взаимодействия с другими языками на территории Шотландии, а также описывается современная языковая ситуация в Шотландии. Автор использует комплексный подход, включающий в себя сравнительные, исторические, статистические и другие средства и методы анализа.

Ключевые слова: миноритарные языки Европы, шотландский гэльский язык, история шотландского гэльского языка, языковая ситуация в Шотландии, гэлоязычное население Шотландии, *Gàidhealtachd*.

Данная статья – попытка рассмотреть историю шотландского гэльского языка (*Scottish Gaelic, Gàidhlig*) в контексте его взаимодействия с другими языками на территории Шотландии.

Еще 300 лет назад Шотландия была независимым государством, эпоха становления которого пришлась на расцвет шотландского гэльского языка. Современный шотландский гэльский, наряду с современными ирландским, мэнским, валлийским, корнским и бретонским, образует кельтскую группу индоевропейской семьи языков. Сейчас шотландский гэльский – это один из миноритарных языков Европы. Каков нынешний статус гэльского в Шотландии и есть ли у него шанс выжить в XXI в. – основные вопросы, на которые ответит статья.

В справочной и учебной литературе часто указывают, что гэльский язык вымирающий – на нем сейчас говорит менее 2% населения Шотландии. Действительно, на момент переписи 2011 г. его понимало 1,6%

¹ При поддержке гранта РГНФ 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира».

населения Шотландии, т.е. 87 100 человек [18]. Однако эти данные не окончательные. Во-первых, в других регионах Великобритании официальный учет гэлоязычных жителей в переписях не проводится, хотя по косвенным свидетельствам можно предположить, что знающих гэльский там довольно много. Во-вторых, значительное число гэлоязычных эмигрантов осело в бывших колониях Соединенного Королевства и в других странах. Например, в Канаде еще в 1934 г. на острове Кейп-Бретон, по данным неофициальной переписи Дж.Л. Кэмпбелла, проживало около 30 тыс. гэлоязычных жителей. По оценкам же Джонатана Дж. Маккинона, который исходил из числа подписчиков «MacTalla», газеты на гэльском языке, гэлоязычных жителей на Кейп-Бретоне было больше – около 35–40 тыс. человек. Сейчас число жителей, сохранивших родной гэльский язык в этом регионе, оценивается примерно в 1–2 тыс. человек [6, с. 18–22].

Ниже приведена моя таблица [5, с. 184–189], дополненная недавно опубликованными данными [18]. Из таблицы видно, что за последнее время резкое снижение числа носителей гэльского слегка стабилизировалось и постепенно возвращается к показателям сорокалетней давности.

С ростом гэльских детских садов, начального и среднего образования на гэльском, а также с внедрением программ курсов гэльского языка для родителей и всяческого поощрения использования языка для повседневного общения не исключено и появление моноглотов. Присутствие гэльского в медиа- (отдельный ТВ-канал «BBC Alba») и Интернет-пространстве (разработка сервиса «Google-translate» для шотландского гэльского и т.п.) также увеличивает шансы гэльского выжить в XXI в.

Наряду с миноритарным гэльским в современной Шотландии существует два германских языка, которые принято разграничивать: шотландский/скотс (*Scots*) и английский (*English*). Согласно переписи 2011 г., исконный для Равнинной Шотландии скотс сейчас понимает около 24% населения Шотландии [18]. Его образовали северные диалекты древнеанглийского языка, распространившиеся в VIII в. на равнинной территории Шотландии. Выделяют три периода формирования и развития скотс: раннешотландский (1375–1450), среднешотландский (1450–1603) и позднешотландский (с 1603 по настоящее время). В России исследованиями этого языка занимается А.Е. Павленко, настаивающий на замене термина «шотландский язык» на идиом «скотс» [9].

Теперь вернемся к самому началу – к тому моменту, когда гэльский только появился в Шотландии, посмотрим на его развитие и формирование и на то, как статус шотландского гэльского менялся за время его истории.

Мы не знаем точно, был ли гэльский язык принесен в Шотландию гэлами-переселенцами из северной части соседней Ирландии около 500 г. н.э., как утверждают классические учебники, либо он уже бытовал

Таблица 1

Число гэлгоговорящих жителей Шотландии с 1755 по 2011 г.

Источник	Население, чел.	Монолингвы		Билингвы	
		Число, чел.	По отношению ко всему населению, %	Число, чел.	По отношению ко всему населению, %
Дж. Уокер ¹	1 265 380	289 798	22,9		
Селкирк ²	1 608 420	297 823	18,5		
17.05.1811 ³	1 805 864	Данные сведения в указанный период не фиксировались			
28.05.1821	2 091 521				
22.05.1831	2 364 386				
07.06.1841	2 620 184				
31.03.1851	2 888 742				
08.04.1861	3 062 294				
03.04.1871	3 360 018				
04.04.1881	3 735 573	231 594	6,2		
05.04.1891	4 025 647	43 738	1,1	210 677 ⁴	5,2
31.03.1901	4 472 103	28 106 ⁵	0,6	202 700	4,5
02.04.1911	4 760 904	18 400	0,4	183 998	3,9
19.06.1921	4 573 471	9 829	0,2	148 950	3,3
26.04.1931	4 588 909	6 716	0,1	129 419	2,8
08.04.1951	5 096 415	2 178	0,04	93 269	1,8
23.04.1961	5 179 344	974	0,01	80 004	1,5
25.04.1971	5 228 965	477	0,009	88 415	1,7
05.04.1981	5 035 315	—	—	82 620 ⁶	1,6
21.04.1991	5 102 400	—	—	65 978	1,4
29.04.2001	5 062 011	—	—	92 400 ⁷	1,8
27.03.2011	5 295 403	—	—	87 100 ⁸	1,6

¹ Дж. Уокер приводит численность населения Шотландии по данным переписи А. Уэбстера (1755 г.), а оценка численности гэлов дается на основе его частной переписи.

² Т. Дуглас, пятый граф Селкирк, приводит численность населения Шотландии по данным переписи 10.04.1801 г.

³ Далее указаны даты проведения переписей.

⁴ Число билингвов до конца XIX в. не учитывалось.

⁵ С 1901 г. учитывались только жители старше трех лет, говорившие по-гэльски.

⁶ С 1981 г. учитывались люди, имевшие хотя бы один навык из перечисленных: говорение, чтение, письмо.

⁷ С 2001 г. в добавление к чтению, говорению либо письму учитывалось также понимание гэльского, что слегка «увеличило» численность носителей гэльского.

⁸ С 2011 г. стали учитывать, говорят ли на гэльском языке дома.

в Шотландии задолго до этого, в то время как Шотландию и Ирландию связывали длительные тесные контакты, как утверждает шотландский археолог Юэн Кэмпбелл [10, с. 285–292] и, вслед за ним, другие исследователи. Гэлы (известные из римских источников как *Scotti*) имели социальное и культурное преимущество перед пиктами, которые населяли тогда шотландские земли, и, как считается, самое позднее в X в. их ассимилировали, а имя гэлов (лат. *Scotti* < др.-ирл. *scoth*, **skoti* «цветы, избранные» [14, с. 12]) дало название будущему государству Шотландии.

Не вполне ясно, на каком языке говорили пикты – на кельтском или на неиндоевропейском; если на кельтском, то относился ли он к бриттской либо к гойдельской подгруппе? Современная точка зрения сужает проблему до вопроса о том, был ли это отдельный бриттский язык или все же один из северных диалектов позднего бриттского (бриттский делится современной наукой на периоды: ранний бриттский 325 г. до н.э. – 450 г. н.э. и поздний бриттский (англ. *Neo-Brittonic*) 450 г. до н.э. – конец VIII в.). Возможно, это был северный обособившийся диалект позднего бриттского, но восстанавливать его систему и взаимодействие с гэльским приходится буквально по крупницам, в основном можно опираться лишь на предположительно пиктские топонимы и их элементы и имена собственные. Высказываются осторожные предположения, что пиктский мог повлиять на гэльскую глагольную систему, часто приводятся и небольшие списки вероятных заимствований (например, шотл. гэльск. *dail* «поле», *monadh* «гора», *preas* «кустарник»), а знаменитые огамические пиктские надписи на территории Шотландии так и не находят удовлетворительных интерпретаций [16].

Согласно имеющимся немногочисленным свидетельствам, шотландский гэльский стал существенно отличаться от ирландского гэльского к концу среднеирландского периода развития языка (900–1200 гг.) [12]. Время с XII по XVII вв., когда становится возможным выделить эти независимые от ирландского гэльского языка черты, можно отнести к раннему этапу развития современного шотландского гэльского языка.

Основная причина, по которой мы не можем полностью восстановить развитие характерных для шотландского гэльского языка черт в ту эпоху, а можем лишь с некоторой долей уверенности воссоздать общие закономерности из небольших фрагментарных частей, которые находятся в дошедших до нас литературных памятниках, заключается в том, что литературным языком шотландских гэлов с XII по XVII вв. служил классический общий гэльский (в отечественной традиции известный как новоирландский) язык. Он выполнял такую же роль литературного койне для гэлов Шотландии и Ирландии, как уэссекский диалект в конце древнеанглийского периода.

Именно на классическом гэльском были опубликованы первые печатные книги в Шотландии, однако уже и в них заметен отход от классической нормы. Те особенности, свойственные шотландскому гэльскому, которые можно восстановить, прослеживаются в «Книге настоятеля Лисмора» (1512–1542) с нестандартной орфографией, в «Книге о надлежащем порядке» (1567), где иногда осуществляется отход от классической нормы [2, с. 45–47], и позже, в переводе «Катехизиса» (1631) и метрических псалмов. Например, становится заметна преаспирация *s* (в переводе метрических псалмов), все реже встречается назализация, в некоторых случаях назализация уступает место постоянному согласному *-n* в предлоге *an* и притяжательном местоимении *an* «их», получает распространение лениция после предлога с артиклем в единственном числе, в настоящем/будущем и претерите неправильных глаголов с начальной *t*- (начиная с «Книги настоятеля Лисмора»); инновации в системе глагола повлекли за собой использование настоящего в качестве будущего, потерю будущего на *-f*- и связанного с ним условного наклонения, вызвали появление описательного настоящего (*tha mi ag* + глагольное имя), аналитические формы глагола получают большее распространение во втором и третьем лице, формы личных местоимений приобретают вид *mì, mise, thu, é, i, iad* вместо *mé, meise, tú, sé, sí, siad* (уже начиная с «Книги настоятеля Лисмора»), указательное местоимение *so* часто встречается там, где размер требует энклитики *-sa*, и др. Данные свидетельства подкрепляются изменениями в мэнском языке в раннюю эпоху его становления, когда мэнский и шотландский гэльский отделяются от ирландского в XIII в., а позже мэнский отделяется от шотландского гэльского в XV–XVI вв. [3, с. 79–80].

Появление независимых черт в гэльском языке связывают со скандинавским влиянием. Еще в IX в. скандинавы захватили побережье западной и северной Шотландии и все острова. Эти земли, включая и остров Мэн, оставались самостоятельными скандинавскими государствами вплоть до 1266 г., когда Норвегия потеряла над ними формальную власть.

В плане скандинавского языкового влияния Шотландию можно условно поделить на три области. Первая, где с момента заселения скандинавами на шотландском гэльском больше не разговаривали (Оркнейские острова, Шетландские острова, Кейтнесс)¹. Вторая, где после общения на древнескандинавском перешли на гэльский, который до сих пор используется в этих регионах (Гебридские острова, западное и северное побережья Шотландии). Третья область охватывает территории, где тоже перешли с древнескандинавского на гэльский, но затем

¹ Там вплоть до XIX в. в качестве языка повседневного общения бытовал язык норн [3, с. 75].

языком общения стал английский (графства Сазерленд, Росс и Кромарти). Также важно не забывать, что значительное скандинавское языковое влияние было на острове Мэн, в Англии и в Ирландии. В отличие от Ирландии, где скандинавы «растворялись» и легко ассимилировались в городах, в Шотландии и на острове Мэн существовали большие поселения, где население длительное время использовало лишь древнескандинавский язык.

Как считается, гэльско-скандинавское языковое взаимодействие началось самое раннее в VIII в., в XII в. оно достигло расцвета и стало угасать в XIV–XV вв. Многие скандинавские роды со временем настолько «гэлизировались», что их имена стали чуть ли не «визитной карточкой» гэльской культуры, например, знаменитые Маклауды с острова Льюис.

В ситуации языкового контакта при адаптации/адстрате заимствования обычно сперва обогащают лексику, после чего влияние затрагивает другие уровни языка, а при наложении/субстрате взаимодействие отражается, в первую очередь, на фонологии и синтаксисе [11, с. 50]. Скандинавы, переселившиеся в Шотландию и перешедшие на гэльский, потенциально могли оказать влияние и на фонологию, и на синтаксис. Однако это влияние очевидно лишь на уровне фонологии (например, преаспирация, тоны – на острове Льюис) и лексикологии (например, шотл. гэльск. *trosg* «треска» < древнесканд. *þorskr*), когда дело доходит до грамматики, оно не обнаруживается. Также стоит помнить и о более ранних контактах кельтских языков с германскими и саамскими; до сих пор остается открытым вопрос о том, следует ли объяснять ареальные схождения в фонологии языков Северной Европы (начальное ударение, преаспирация, оглушение сонорных, особый тип эпентетических гласных, чередование ступеней и противопоставление сильных и слабых согласных) контактами или типологическим сходством [17].

Утрата главенствующего положения гэльской культуры и языка в Шотландии, берущая начало в XII в., напрямую связана с изменением статуса языка власти. В это время шотландский король Давид I стал приглашать в страну первых англо-нормандских и северо-французских (в основном это были бретонцы и фламандцы) рыцарей-переселенцев. Все они по приезду в Шотландию продолжали говорить на своих языках: старофранцузском, среднебретонском и средненидерландском. Позже многие из потомков этих рыцарей, например, Гордоны и Стюарты, органично воспримут шотландскую культуру. Английский тоже появился в Шотландии и стал все более распространяться примерно в этот же период, но совершенно иным путем – через торговлю и постепенное основание и заселение бургов на востоке страны английскими и иностранными (преимущественно фламандскими) купцами. С новыми языками и культурами в Шотландию пришла новая социальная организация.

Гэльские законы и порядки стали целенаправленно подавляться, хотя знания и традиции, а также родовой уклад сохранялись и некоторое время еще поддерживались на Гебридских островах.

К XVII в. гэльский язык окончательно перестал ассоциироваться со светской и церковной властью. Он был полностью оттеснен в горы и на острова и замкнут в условное культурно-изолированное пространство *Gàidhealtachd* в противоположность ставшей враждебной и наступающей с юга культуре *Galldachd*. Подобное четкое разграничение понятий на «гэльский мир Горной Шотландии и островов» (от шотл. гэльск. *Gàidheal* «гэл») и «англо-шотландский мир Равнинной Шотландии» (от шотл. гэльск. *Gall* «незнакомец», «чужой», «уроженец юга Шотландии», «шотландец, не говорящий по-гэльски»)¹ не встречается в гэльских источниках ранее XVII в. [15, с. xxiii]. Термины эти в каком-то смысле соотносимы с английскими *Highlands* (Горная Шотландия) и *Lowlands* (Равнинная Шотландия), но их границы намного шире чисто географических.

Культурное разделение внутри страны совпало с объединением корон Англии и Шотландии в 1603 г., когда шотландский король Иаков VI Стюарт унаследовал английский престол и стал королем Иаковом I, его двор переехал в Лондон, а сам Иаков вынашивал планы объединения Англии и Шотландии в великую Британию. Как в свое время гэльский был оттеснен от шотландского двора, так теперь скотс потерял все свое влияние. Придворная канцелярия стала пользоваться, конечно же, английским. Объединение Англии и Шотландии в одну страну (так называемая Уния 1707 г.) завершило этот процесс.

Окончательный удар гэльскому нанесли статуты, направленные на искоренение гэльского языка и культуры после провалившихся попыток вернуть на британский трон династию Стюартов (якобитские восстания 1715 и 1745 гг.).

Не менее существенным ударом для шотландского гэльского стало то, что гэлы долгое время были лишены собственного перевода Библии. Перевод был осуществлен крайне поздно, к началу XIX в., когда у их кельтских соседей – валлийцев и ирландцев – уже были свои переводы. Ситуация усложнялась тем, что язык гэльского перевода Библии был значительно ирландизирован и совершенно не отражал живой идиоматический шотландский гэльский [4]. В это же время был выполнен

¹ До XVII в. слово *Gall* употреблялось по отношению к скандинавам, заселившим Гебридские острова, которые на гэльском получили название *Innse Gall*, т.е. «острова чужестранцев». Сейчас Гебридские острова – часть *Gàidhealtachd*, именно там наблюдается самая высокая плотность гэлоязычного населения в современной Шотландии.

перевод на один из северных диалектов, рукопись которого была отклонена генеральной ассамблеей Церкви Шотландии и в данный момент еще не найдена [8, с. 37–38]. Параллельно с ним появился католический перевод Нового Завета на диалект Лохабера [4], который был найден и опубликован в 1875 г. Последствия его влияния на язык гэльских католиков значительны: католическая часть гэлорычного населения Шотландии до сего дня сохранила богатый идиоматичный гэльский, в то время как протестантский гэльский считается уже обедневшим и «неполноценным»¹.

Лишенный статуса, запрещенный в школах, не имевший литературного стандарта гэльский продолжил существовать преимущественно в устной форме в виде многочисленных диалектов. Казалось бы, язык был обречен. Но появились энтузиасты. В XIX – начале XX в. шотландский гэльский был неплохо задокументирован и кодифицирован, было опубликовано много памятников на гэльском, грамматики и словари [7, с. 71–77], описаны почти все гэльские диалекты, началось литературное возрождение [3, с. 85–87]. Произведения таких поэтов, как Сорли Маклин (гэльск. *Somhairle MacGill-Eain*) (1911–1996), Джордж Кэмпбелл Хей (гэльск. *Deòrsa Mac Iain Dheòrsa*) (1915–1984) и др., которые выбрали для творчества свой родной гэльский, вошли в золотой фонд шотландской литературы и были переведены на английский и многие другие языки [19]. А в начале XXI в. гэльскому был присвоен официальный статус одного из языков Шотландии.

Сейчас шотландский гэльский язык – один из официальных языков шотландского парламента, один из языков СМИ, начального, среднего и высшего образования, один из языков богослужения, на нем издаются современная поэзия и проза. Для настоящего периода характерно создание многочисленных электронных текстов на гэльском, корпусов и баз данных в сети Интернет.

Современный шотландский гэльский прошел длительный путь становления с XII в. по настоящее время, в нем появилось много инноваций (например, исчезли флексии в системе глагола), но при этом он оказался консервативным в сохранении некоторых элементов фонологической системы (в отличие от современного ирландского, например). Практика использования шотландского гэльского языка в СМИ и в школах позволила закрепить норму произношения. Различные формы множественного числа имен существительных, их род, формы глагольных имен и т.п. еще предстоит унифицировать.

¹ «В то время считалось, что если у тебя полноценный гэльский, это не гэльский острова Льюис. Где-то начиная с 1930-х гг. и далее стало считаться, что для того, чтобы называться истинным гэлом, тебе нужно быть католиком, скажем, с острова Южный Уист или с острова Барра» (Пер. с гэльского мой. – М.К.). (Финлей Маклауд, Эдинбургский университет, в ходе выступления на радио в 1998 г.)

Но главное изменение остается почти незамеченным – шотландский гэльский вышел за пределы традиционных, складывавшихся веками, областей региона *Gàidhealtachd* [1, с. 254–256], т.е. Гебридских островов и графств, расположенных в северо-западной части Шотландии. Эта тенденция прослеживается на карте распределения носителей шотландского гэльского языка, составленной по результатам предпоследней переписи 2001 г., и еще очевиднее – на карте с данными последней переписи 2011 г., где гэльский присутствует как на всем востоке, так и на всем юго-востоке страны [18].

Столь широкому распространению шотландского гэльского способствуют как различные организации, например, основанная в 1994 г. *Gàidhlig anns na Crìochan*, так и различные формы государственной поддержки, а также тот факт, что шотландский гэльский в 2005 г. был признан официальным языком Шотландии наряду с английским языком.

Немалую роль сыграло и повсеместное распространение Интернета: так же активно, как географическое, гэльский завоевывает и цифровое пространство. Появились электронные словари, мобильные приложения, цифровое телевидение, гэльская Википедия, сервис автоматического перевода, получили распространение гэлоязычные форумы и блоги, многие сайты предоставляют информацию на двух языках – английском и гэльском. Подводя итог, можно сказать, что «цифровая смерть» [13] гэльскому в ближайшее время явно не грозит, новый узус гэльских диалектов стабилизируется не только благодаря радио, телевидению, литературе, кино¹ и преподаванию языка в школе, но и Интернету.

Обратная ситуация происходит со вторым миноритарным языком Шотландии – скотс, который признан Европейской хартией региональных языков, но до сих пор не имеет официального статуса в Шотландии. Правительством Великобритании проводится тонкая политика, не допускающая возвышения скотс до возможного статуса языка, объединяющего шотландскую нацию, а малочисленность носителей гэльского пока не позволяет ему занять это пустующее место.

Библиографический список

1. Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
2. Королева М.В. О переводе, содержании и языке *Foirm na n-Urrnuidheadh* // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 3. С. 37–49.

¹ Совсем недавно был восстановлен вымерший диалект Далриады, на котором теперь «говорят» герои популярного сериала «Чужестранка».

3. Королева М.В. Становление литературной нормы современного шотландского гэльского языка // Сб. научных и научно-методических трудов / Под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. Т. 6. М., 2009. С. 72–94.
4. Королева М. В. Судьба двух переводов Библии на гэльский язык // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс]. М., 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486 +; Windows 95; дисковод CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
5. Королева М.В., Синица А.Л. Гэльское население Шотландии – от истоков к современности // Этническая демография. Т. 17. Демографические исследования. М., 2010. С. 163–191.
6. Королева М.В., Баркова Ю.С. Гэльское население Новой Шотландии: язык и культура // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 17–29.
7. Королева М.В. *Am Faclair Mòr* и история гэльской лексикографии // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 71–77.
8. Королева М.В. Потерянный перевод Библии на шотландский гэльский // Focal, fios agus foghlaim. М., 2016. С. 37–38.
9. Павленко А.Е. Региональный язык равнинной Шотландии: лингвистический и социолингвистический аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
10. Campbell E. Were the Scots Irish? // Antiquity. 2001. № 75. P. 285–292.
11. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook / Haspelmath M., Tadmor U. (eds). Berlin, 2009.
12. Jackson K. The Gaelic notes in the Book of Deer. Cambridge, 1972.
13. Digital Language Death. PLoS ONE. 2013. 8(10): e77056. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0077056> (дата обращения: 25.01.2016).
14. McCone K. The Celtic Question: Modern Constructs and Ancient Realities. Dublin, 2008.
15. Macleod W., Bateman M. Duanair na Sracaire. Anthology of Medieval Gaelic Poetry. Edinburgh, 2007.
16. Rhys G. Approaching the Pictish language: historiography, early evidence and the question of Pritenic: Ph. D. thesis. University of Glasgow, 2015.
17. Schrijver P. Pruners and trainers of the Celtic Family Tree: the Rise and Development of Celtic in the Light of Language Contact, Maynooth: XIVth International Congress of Celtic Studies, 2011 (handout).
18. Scotland's Census. URL: <http://www.scotlandscensus.gov.uk> (дата обращения: 25.01.2016).
19. Sorley MacLean. URL: <http://www.sorleymaclean.org/english/international.htm> (дата обращения: 25.01.2016).

Н.В. СЕРДОБОЛЬСКАЯ, П.М. АРКАДЬЕВ, М.В. ШКАПА

К типологии подъема и смежных явлений: неканоническое маркирование актантов в актантных и обстоятельственных предложениях¹

В работе анализируется явление неканонического маркирования актантов в зависимой предикации в калмыцком, литовском и ирландском языках. Рассматриваются конструкции, демонстрирующие внешнее сходство с подъемом аргумента: субъект или объект зависимой предикации оформляются аккузативом, что нехарактерно для канонического переходного глагола в независимом предложении.

Ключевые слова: сложное предложение, актантное предложение, обстоятельственное предложение, подъем аргумента, калмыцкий язык, литовский язык, ирландский язык, вынос аргумента, левая периферия.

1. Введение

Неканоническим маркированием актантов называют маркирование актантов, отличное от представленного в независимом предложении со сказуемым – каноническим переходным глаголом. Однако в исследованиях данного явления редко рассматриваются особые случаи неканонического маркирования, возникающие исключительно в зависимой предикации, как в примере (1) из калмыцкого языка:

- (1) [*čamag?* *cä* / **cää-g?* *uu-čk-s-i-n'*]
 ты. ACC¹ чай чай-ACC пить-COMPL-PC.PST-ACC-P.3
 med-s?n *uga-v*
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что ты выпил [весь] чай’.

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 14-18-03270.

² Список сокращений: ACC – аккузатив; ASSOC – ассоциатив (совместный падеж); COMPL – комплетив; COND – условное наклонение; COP – связка; CV.ANT – раздельное деепричастие; CV.IPFV – соединительное деепричастие; CV.SUCC – условное деепричастие; DAT – датив; DEF – определенный артикль; F – женский род; FUT – будущее время; GEN – генитив; INF – инфинитив; INS – инструменталис;

В данном примере субъект зависимой предикации (далее: ЗП) оформляется аккузативом, что невозможно в соответствующем независимом предложении:

- (2) *ter cää-gə uu-čkə-v*
 Этот чай-ACC пить-COMPL-PST
 'Он выпил [весь] чай'.

Сходная конструкция в ряде языков анализируется в терминах *подъема* в главную предикацию (далее: ГП), например, в английском языке именная группа (далее: ИГ) *him* в предложении *I believe him to be in the house* поднимается в позицию прямого дополнения (далее: ПД) в ГП [17; 23; 24]. В английском и во многих других языках подъем ограничен синтаксическими актантами (далее: СА) и возможен лишь при небольшом количестве матричных предикатов (чаще всего это ментальные предикаты). Данная работа посвящена конструкциям, по своим свойствам напоминающим подъем в английском языке. Однако, как будет показано ниже, в рассматриваемых нами языках соответствующая ИГ не занимает позицию ПД в ГП и даже не принадлежит ГП.

В фокус нашего внимания, таким образом, входят конструкции, где один из актантов ЗП получает падеж не от зависимого предиката (уточним, что мы не рассматриваем случаи, когда номинализация приписывает падеж, характерный для зависимого имени). Мы привлекаем материал калмыцкого, литовского и ирландского языков, анализируемый на основе единой признаковой базы, разработанной Н. Сердобольской [25].

Материал исследования получен в ходе полевой работы (примеры без ссылки), а также путем анализа литературных текстов, корпусов и интернета.

2. Конструкции с аккузативным субъектом в калмыцком языке

2.1. Эффекты подъема

2.1.1. Морфологические особенности подъема: падежное оформление и согласование

В калмыцком языке субъект ЗП может быть оформлен номинативом (3b) или аккузативом (3a) (ср. [5; 8]) (при номинализациях также генитивом):

LOC – локатив; M – мужской род; NEG – отрицание; NML – номинализация; NOM – номинатив; P – посессивность; PA – активное причастие; PC.PST – причастие прошедшего времени; PL – множественное число; PP – пассивное причастие; PRS – настоящее время; PRT – частица; PST – прошедшее время; REM – прежде-прошедшее; RFL – рефлексив; SBJ – сослагательное наклонение; SG – единственное число.

- (3) a. [*Badma-gə* *ir-s-i-n'*] *med-sən*
 Бадма(NOM) приходит-PC.PST-ACC-P.3 знать-PC.PST
uga-v.
 NEG.COP-1SG
- b. [*Badmə* *ir-s-i-n'*] *med-sən*
 Бадма(NOM) приходит-PC.PST-ACC-P.3 знать-PC.PST
uga-v.
 NEG.COP-1SG
- a. = b. 'Я не знал, что Бадма приехал'.

На первый взгляд, конструкция в примере (3а) аналогична английским конструкциям с подъемом, где субъект ЗП выступает в объектном падеже и приобретает синтаксические свойства элемента ГП.

В отличие от английского, в калмыцком языке данная конструкция допустима не только в нефинитных клаузах, как в примере (3а), но и в финитных ЗП, оформленных подчинительным союзом:

- (4) [*xuldač-igə* *jov-sən* *gi-ḡäd*]
 продавец-ACC ходит-PC.PST говорить-CV.ANT
soŋs-la-v
 слушать-REM-1SG
 'Я слышал, что продавец уехал'.

В примере 4 зависимый предикат выступает в форме причастия прошедшего времени, как и в аналогичном независимом предложении:

- (5) [*bij-in-n'* *eck-in-n'* *cogcə-n'*]
 тело-GEN-P.3 отец-GEN-P.3 организм-P.3
üld-sən
 оставаться-PC.PST
 'Ее собственного отца (там) похоронили', букв.: 'тело
 ее собственного отца осталось'. [6, с. 765]

При этом зависимый глагол сохраняет согласование (в данном случае нулевое согласование по 3 л. ед. ч.) и видо-временное оформление, характерное для вершины независимого предложения.

2.1.2. Порядок слов в конструкции с подъемом

Базовый порядок слов в простом предложении калмыцкого языка – SOV. Чаще всего данный порядок соблюдается и в ЗП.

- (6) a. *bi* *med-sən* *uga-v*
 я.NOM знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 [*čatagə* *ir-s-i-n'*]
 ты.ACC приходит-PC.PST-ACC-P.3
 'Я не знал, что ты приехал'.

Однако если субъект оформляется аккузативом, возможен вариант VS, ср.:

- (6) b. *bi med-sən uga-v*
 я.NOM знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 [*ir-s-i-nj* *čamagə* / **či*]
 приходить-PC.PST-ACC-P.3 ты.ACC/ ты.NOM
 ‘= (6b)’

Такой порядок встречается редко, однако не приводит к неграмматичности, в отличие от конструкций с субъектом в номинативе. Аккузативная ИГ может свободно передвигаться внутри ЗП (6с-d) и занимать линейную позицию в ГП (6е-f).

- (6) с. [*čamagə öckəldür ir-s-i-čən*] *bi*
 ты.ACC вчера приходить-PC.PST-ACC-P.2SG я.NOM
 ‘Я не знал, что ты вчера приехал’.

- d. [*öckəldür čamagə ir-s-i-čən*]...
 вчера ты.ACC приходить-PC.PST-ACC-P.2SG
 ‘= (6с).’

- e. [*čamagə/*či*] *bi med-sən uga-v*
 ты.ACC/ты.NOM я.NOM знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 [*ir-s-i-n'*]
 приходить-PC.PST-ACC-P.3
 ‘Я не знал, что ты приехал’.

- f. [*ir-s-i-n'*] *bi [čamagə/*či]*
 приходить-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM ты.ACC/ты.NOM
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘= (6е)’

Таким образом, аккузативный субъект не имеет жестко фиксированной линейной позиции ни в ГП, ни в ЗП (в отличие от субъекта в номинативе, ср. (6а) и (6b), (6е), (6f)).

2.2. Синтаксическая позиция «поднятого» аргумента

В калмыцком языке может «подниматься» только субъект ЗП.

2.3. Тип зависимой предикации

В калмыцком языке подъем возможен как из нефинитной предикации, возглавляемой причастием (6а), так и из финитных клауз с союзами *gi-väd* (4) и *gi-žə*:

- (7) *bi* [enü-gə čamagə cok-la gi-žə]
 я.NOM этот-ACC ты.ACC ударить-REM говорить-CV.IPFV
soŋs-la-v
 слушать-REM-1SG
 ‘Я слышал, что он побил тебя’. [7, с. 535]

2.4. Синтаксическая позиция зависимой предикации

В калмыцком языке подъем возможен как из ЗП, заполняющих аккумулятивную валентность при матричном предикате (7), так и при непереходных главных предикатах. Так, в примерах (4) и (6а) матричные глаголы ‘слушать’ и ‘знать’ имеют валентность на стимул, которая заполняется аккумулятивной ИГ или сентенциальным актантом. Если СА выражен причастием, то оно выступает в аккумулятиве (6а), в том числе при подъеме субъекта.

В примере (8) субъект ЗП также оформляется аккумулятивом, несмотря на то что главный предикат не является переходным:

- (8) *bi* *dur-ta-v* [čamagə duul-xla]
 я.NOM желание-ASSOC-1SG ты.ACC петь-CV.SUCC
 ‘Я люблю, когда ты поешь’.

Предикат *durta* ‘любить’, букв. ‘любовь-COM’, не приписывает аккумулятив; стимул при нем оформляется дативом:

- (9) *cecɣ-üd narən-də dur-ta*
 цветок-PL солнце-DAT желание-ASSOC
 ‘Цветы любят солнце’,
 букв. ‘Цветы к солнцу с любовью’ [9, с. 276].

Кроме того, подъем аргумента возможен из обстоятельственных предположений, где, как и в примере (8), главный предикат не является переходным:

- (10) [*eck-igə maši av-sn-a*] *daru madn*
 отец-ACC автомобиль брат-PC.PST-GEN скоро мы
kar-ad jov-ad bää-nä-vidn
 выходить-CV.ANT ходить-CV.ANT быть-PRS-1PL
 ‘Когда отец купил машину, мы стали много ездить’.

Допустимость аккумулятивного субъекта при главных предикатах, не приписывающих аккумулятив, является аргументом против трактовки калмыцких конструкций в терминах подъема в позицию ПД в ГП.

2.5. Тип матричного глагола в конструкции с подъемом

Нами не зафиксировано ограничений на семантический класс матричного предиката в конструкциях с подъемом. В частности, подъем возможен при фактивных (напр., ‘знать’) и нефактивных (напр., ‘считать’),

‘полагать’) ментальных глаголах, при эмотивных глаголах (как фактивных, напр. ‘удивляться’, так и нефактивных, напр. ‘бояться’), глаголах восприятия и глаголах речи.

2.6. Допустимость альтернативной конструкции с тем же значением

В целом при любом матричном предикате, допускающем подъем, возможна также конструкция, где субъект ЗП выступает в номинативе (при номинализациях возможен также генитив). Субъект СА маркируется аккузативом, если он является *топиком* всего предложения; в противном случае выбирается конструкция с номинативом. Кроме того, играет роль позиция субъекта ЗП в иерархии одушевленности [26]:

местоимения > имена собственные > нарицательные обозначения людей > животных > предметов.

Вероятность выбора аккузатива повышается по мере приближения к левому краю шкалы.

2.7. Тесты на составляющую

Группа «ЗП + аккузативный субъект» ведет себя как составляющая с точки зрения ряда тестов [11, с. 129–145], так, она допускает замену на анафорическое средство, топикализацию, может выступать независимым высказыванием при ответе на вопрос, подвергаться контрастному выделению и эллипсису [10]. ЗП без аккузативного субъекта такими свойствами не обладает. Следовательно, аккузативный субъект принадлежит составляющей, которую возглавляет зависимый предикат. Это подтверждается также структурным тестом: аккузативный субъект блокирует аккузатив на ПД в ЗП, см. пример 1 выше.

2.8. Структурные тесты

Структурные тесты показывают, что аккузативная ИГ не занимает позиции ПД в ГП: так, она не может становиться подлежащим при пассивизации главного предиката и не блокирует аккузатив на причастии (если бы аккузативный субъект принадлежал ГП, оказалось бы, что в ней имеется два элемента с аккузативом: аккузативный субъект и сам зависимый предикат). Однако она занимает позицию вне ЗП, т.к. возможна замена данной ИГ на рефлексив/реципрок с антецедентом в ГП. Аналогичные выводы возможны для обстоятельственных предложений.

2.9. Выводы

Итак, можно сделать вывод, что аккузативный субъект не занимает позиции ПД в ГП и в принципе не принадлежит ГП. В работе Н.В. Сердобольской [10] предлагается следующая трактовка описываемых конструкций: ИГ получает аккузатив, поднимаясь на левую периферию ЗП.

Речь идет о специальной топикальной позиции: как было указано в п. 2.6, субъект оформляется аккузативом, если является топиком всего предложения.

3. Конструкции с аккузативным субъектом в литовском языке

3.1. Эффекты подъема

3.1.1. Морфологические особенности подъема:
падежное оформление и согласование

В литовском языке в качестве СА могут употребляться конструкции, возглавляемые причастиями с субъектом в аккузативе:

- (11) *Sak-iau tėv-q gerai gyven-a-nt.*
сказать-PST.1SG отец-ACC.SG хорошо жить-PRS-PA
'Я сказал, что отец хорошо живет.' [13, с. 367]

Причастие, как правило, выступает в несогласованной форме без показателей склонения (подробнее о морфосинтаксисе литовских причастий см. [1]). Единственное исключение из этого правила в современном языке – конструкции при глаголах непосредственного восприятия вроде *matyti* 'видеть', в которых причастие факультативно согласуется с аккузативным субъектом в роде, числе и падеже:

- (12) *An-q nakt-j motin-q mač-iau*
тот-ACC.SG ночь-ACC.SG мать-ACC.SG видеть-PST.1SG
sėd-i-nči-q virtuv-ėj...
сидеть-PRS-PA-ACC.SG.F кухня-LOC.SG
'В ту ночь я видел мать сидящей на кухне...' [LKT¹]

3.1.2. Порядок слов в конструкции с подъемом

Базовый порядок слов в литовском языке SVO как в ГП, так и в ЗП, однако возможны определяемые информационной структурой перемещения составляющих. В интересующих нас конструкциях обычен порядок, при котором аккузативный субъект причастной клаузы располагается между матричным и зависимым предикатами, как в примере (11), однако он может как выдвигаться левее главного сказуемого (12), так и располагаться после причастия (13).

- (13) *Profesori-us ... prisimin-ė [buv-us ant*
профессор-NOM.SG вспомнить-PST(3) быть-PST.PA на
vargon-ų angel-ų skulptūr-as].
орган-GEN.PL ангел-GEN.PL скульптура-ACC.PL
'Профессор ... вспомнил, что на органе были скульптуры ангелов.'²

¹ Корпус литовского языка (tekstynas.vdu.lt)

² <http://www.mairioniomuziejus.lt/586>

3.2. Синтаксическая позиция «поднятого» аргумента

В литовском языке «подъему» в узком смысле, т.е. процессу, связанному с приписыванием нестандартного падежа, может подвергаться лишь субъект ЗП. Важно отметить, однако, что линейно выдвигаться из нефинитной ЗП в ГП может, в принципе, любая составляющая, например, обстоятельство:

- (14) *Toki-a* *agnostin-ė* *pozicij-a*
такой-NOM.SG.F агностический-NOM.SG.F позиция-NOM.SG
ne-trukd- [*aukščiausi-oje* *hierarchij-os*
NEG-мешать-PRS(3) высший-LOC.SG.F иерархия-GEN.SG
pakop-oje]_i *suvok-ti* *t_i* *es-a-nt* *Diev-q.*
уровень-LOC.SG понять-INF быть-PRS-PA Бог-ACC.SG
‘Такая агностическая позиция не мешает на самом высоком
уровне иерархии полагать существование Бога.’¹

3.3. Тип зависимой предикации

В литовском языке подъем возможен лишь из ЗП, возглавляемой причастием. Финитные конструкции в литовском всегда содержат субъект в номинативе, а случаи, когда аккузативом оформляется группа, семантически соответствующая субъекту инфинитивного СА, допускают анализ лишь в терминах объектного контроля.

3.4. Синтаксическая позиция зависимой предикации

Конструкции «аккузатив с причастием» употребляются лишь в позиции СА; при этом матричный предикат может как сам быть переходным и приписывать аккузатив, как в примерах, приведенных выше, так и не иметь валентности на ПД, как глагол *apsimesti* ‘притвориться’:

- (15) *Birut-ė* *apsimet-ė* *savo nam-uose*
Бируте-NOM.SG притвориться-PST(3) свой дом-LOC.PL
ne-s-a-nt *pinig-ų.*
NEG-быть-PRS-PA деньги-GEN.PL
‘Бируте притворилась, будто у нее дома нет денег.’

Причастные конструкции в литовском могут выступать и в позиции сентенциального сирконстанта, однако в таком случае их субъект оформляется не аккузативом, а дативом (16), а сами эти конструкции не проявляют каких-либо морфосинтаксических признаков подъема и здесь рассматриваться не будут (см. подробнее [2; 4; 14]).

¹ http://ct.svs.lt/lmenas/?leid_id=3053&kas=straipsnis&st_id=6983

- (16) *Kodėl ne-padar-ei savo darb-o*
 почему NEG-сделать-PST.2SG свой работа-GEN.SG
 [*man mieg-a-nt*]?
 я:DAT спать-PRS-PA

‘Почему ты не сделал свою работу, пока я спал?’ (LKT)

Тот факт, что употребление конструкций «аккузатив с причастием» в литовском языке не зависит от способности матричного предиката приписывать аккузатив, является одним из аргументов против трактовки этих конструкций как подъема, см. подробнее ниже, а также работы П.М. Аркадьева [3; 15].

3.5. Тип матричного глагола в конструкции с подъемом

Круг предикатов, допускающих конструкции «аккузатив с причастием», весьма широк и включает глаголы восприятия, речи, мысли, знания и т. п. Фактически, любой предикат, способный присоединить пропозицию, может выступать с данной конструкцией.

3.6. Допустимость альтернативной конструкции

При матричных предикатах, сочетающихся с «аккузативом с причастием», может выступать финитная клауза с подчинительным союзом, ср. пример (18); насколько можно судить, в современном языке именно финитная клауза является дефолтным способом оформления пропозициональных актантов, а причастные конструкции носят отчасти книжный характер.

- (18) *Sak-iau, kad tėv-as gerai gyven-a.*
 сказать-PST.1SG что отец-NOM.SG хорошо жить-PRS(3)
 ‘Я сказал, что отец хорошо живет.’

3.7. Тесты на составляющую

Большая часть применимых к литовскому материалу тестов на составляющую показывает, что аккузативный субъект причастия образует синтаксическое единство с остальными элементами причастной клаузы. Так, обстоятельства, модифицирующие вложенный предикат, могут располагаться между матричным глаголом и аккузативным субъектом, как в примере (19), аккузативный субъект может подвергаться синтаксическому передвижению и эллипсису вместе с причастием (20).

- (19) а. *Sak-iau [Jurg-į rytoj atvyk-si-ant].*
 сказать-PST.1SG Юргис-ACC.SG завтра приехать-FUT-PA
 ‘Я сказал, что Юргис приедет завтра.’

- (19) b. *Sak-iau* [rytoj *Jurg-į* atvyk-si-ant].
сказать-PST.1SG завтра Юргис-ACC.SG приехать-FUT-PA
'= (19a)'.

- (20) [*Jurg-į gyven-a-nt Vilni-uje*]_I
Юргис-ACC.SG жить-PRS-PA Вильнюс-LOC.SG
ne-žinoj-au *t_i*.
NEG-знать-PST.1SG
'Что Юргис живет в Вильнюсе, я не знал.'

Единственное значимое исключение из этого обобщения – конструкции с глаголами непосредственного восприятия, при которых аккумулятивная ИГ демонстрирует свойства объекта матричного глагола; в частности, обстоятельства, модифицирующие причастие, не могут располагаться левее аккумулятивной группы, ср. пример (21) vs. (19).

- (21) a. *Mat-au Jurg-į [lėtai [vaikščioj-a-nt*
видеть-PRS.1SG Юргис-ACC.SG медленно гулять-PRS-PA
park-e].
парк-LOC.SG
Я вижу Юргиса медленно гуляющим в парке.'
- b. **Mat-au lėtai Jurg-į [vaikščioj-a-nt*
видеть-PRS.1SG медленно Юргис-ACC.SG гулять-PRS-PA
park-e].
парк-LOC.SG
ожидаемое значение '= (21a)'

Тем самым конструкции при глаголах восприятия синтаксически отличаются от поверхностно тождественных им конструкций с другими матричными предикатами, что подтверждают и рассматриваемые в следующем разделе структурные тесты.

3.8. Структурные тесты

В качестве структурных тестов на подъем рассматривались следующие: пассивизация матричного предиката с продвижением в позицию подлежащего аккумулятивного субъекта причастия; замена аккумулятора на генитив при отрицании; употребление в позиции вложенного субъекта разных типов анафорических элементов, кореферентных главному подлежащему.

Пассивизация изучаемых конструкций возможна лишь с весьма ограниченным набором матричных предикатов, по большей части допускающих трактовку субъекта причастия как их собственного объекта: *girdėti* 'слышать', *matyti* 'видеть', *vaizduoti* 'изображать', *pristatyti* 'представить', *įtarti* 'подозревать' и подобное:

- С большей же частью матричных предикатов пассивизация запрещена:

- Во многом аналогичное распределение демонстрирует генитив отрицания: будучи допустима с рядом матричных предикатов, ср. пример (24), замена аккузатива на генитив необязательна или невозможна с основной их массой, ср. пример (25); это – важное свидетельство принадлежности аккузативного субъекта причастной клаузе (такая замена в литовском строго обязательна для ПД отрицаемого предиката).

- (25) *Mokslininkai ne įrodė*
 учёный-NOM.PL NEG-доказать-PST(3)
*rūkym-q / *rūkym-o es-a-nt žaling-u.*
 курение-ACC.SG/*курение-GEN.SG быть-PRS-PA вредный-INS.SG.M
 ‘Ученые не доказали, что курение вредно.’

Наконец, несмотря на то, что в позиции субъекта причастия допускаются кореферентные матричному подлежащему рефлексивные и реципрокальные (26) анафоры, это скорее не показательно, т.к. в литовском языке такие местоимения допустимы и в позиции, явно относящейся к нефинитной ЗП, ср. пример (27).

- (26) *Rajon-o politik-ai_i vis dažniau*
 район-GEN.SG политик-NOM.PL всё чаще
įtari-a [vien-as kit-q]_i
 подозревать-PRS(3) один-NOM.SG.M другой-ACC.SG.M
priim-a-nt politini-us sprendim-us.
 принять-PRS-PA политический-ACC.PL.M решение-ACC.PL
 ‘Районные политики все чаще подозревают друг друга
 в принятии политически мотивированных решений.’¹

- (27) *Algird-as_i liep-ė Jurgi-ui_j*
 Альгирдас-NOM.SG велеть-PST(3) Юргис-DAT.SG
[griž-ti i savo_{i/j} kambar-į].
 вернуться-INF в свой комната-ACC.SG
 ‘Альгирдас велел Юргису вернуться в свою
 (= Альгирдаса/Юргиса) комнату’.

Напротив, в этой позиции возможны кореферентные матричному подлежащему местоимения третьего лица, недопустимые при копредикатном антецеденте, ср. пример (2), что говорит в пользу трактовки аккузативного субъекта как элемента ЗП.

- (28) a. *Jurg-is_i įtari-a j-o_{i/j}*
 Юргис-NOM подозревает-PRS(3) он-GEN.SG.M
žmon-q j-į apgaun-a-nt.
 жена-ACC.SG он-ACC.SG.M обмануть-PRS-PA
 ‘Юргис подозревает, что его (Юргиса / чья-то чужая)
 жена его обманывает.’
- b. *Jurg-is_i įtari-a j-o*_{i/j}*
 Юргис-NOM подозревает-PRS(3) он-GEN.SG.M
žmon-q.
 жена-ACC.SG
 ‘Юргис подозревает его/*свою жену.’

В совокупности приведенные факты свидетельствуют против трактовки литовских конструкций «аккузатив с причастием» как подъема. При основной массе матричных предикатов аккузативный субъект причастия синтаксически принадлежит ЗП и, как подробно аргументировано в работах П.М. Аркадьева [3; 15], получает падеж не от матричного предиката (который, напомним, вовсе не обязательно способен приписывать аккузатив), а в самой ЗП. Что же касается причастных конструкций при глаголах восприятия, то в них, напротив, нет оснований считать аккузативную ИГ чем-либо, кроме собственного объекта матричного глагола.

¹ <http://www.gargzdai.lt/?lt=1148888566>

4. Конструкции с аккузативным субъектом или прямым дополнением в ирландском языке

4.1. Эффекты подъема

В ирландском языке в функции сентенциального актанта или сирконстанта может выступать либо финитная клауза, либо номинализация. Вершина номинализации, в традиционной для ирландистики терминологии – глагольное имя (*verbal noun*), обладает большим количеством признаков существительного, чем, например, инфинитив в английском или русском языках. Глагольное имя изменяется по падежам; номинализация может быть вложена в предложную группу (см. примеры ниже) и модифицировать существительное, (29) и (30), (31) и (32).

- (29) *fear* *cnámh*
 человек кость.GEN.PL
 ‘костоправ’ [21]

- (30) *fear* [*ins-te* *scéil*]
 человек рассказать.NML-GEN история.GEN
 ‘рассказчик’ [19, с. 224]

- (31) *ar* *tí* *báis*
 на линия смерть.GEN
 ‘на пороге смерти’ [18]

- (32) *ar* *tí* [*mo mharai-the*]
 на линия мой убить.NML-GEN
 ‘близко к тому, чтобы меня убить’ (ср. англ. *on the point of*)
 [17, с. 224]

В части синтаксических контекстов, где номинализация выполняет роль сентенциального сирконстанта, ПД при глагольном имени оформляется генитивом, а субъект – предложной группой, чаще всего с предлогом *do*; эту рамку можно назвать наиболее «именным» способом кодирования актантов (группа предлога *do* в ИГ может кодировать посессора, например *cara dom* ‘мой друг’). Если ПД местоименное, оно кодируется посессивным местоимением.

- (33) *Agus* [*ar a fheice-áil dóibh*], *d’ inis*
 и на его видеть-NML для_них PST рассказать
siad...
 они
 ‘Когда они увидели его, они рассказали...’ [17, с. 142]

В других контекстах, в том числе во всех, где номинализация выступает в роли СА, наблюдается маркирование, похожее на подъем в английском языке: субъект «выносится» в позицию перед глагольным именем и кодируется аккузативом:

- (34) *Ba mhaith liom [é a theach-t liom]*
 cop.sbj хороший c.1sg он.acc prt идти-nml c.1sg
 ‘Я бы хотел(а), чтобы он пошел со мной.’ [22, с. 255]

Выноситься может также ПД:

- (35) *Ba mhaith liom [an doras a phéint-eáil].*
 COP.SBJ хороший c.1SG DEF дверь PRT красить-NML
 ‘Я бы хотел(а) покрасить дверь.’ [22]

При выносе местоименного аргумента возможны варианты: кодировать его личным местоимением в аккузативе, как в примере (34), или посессивным местоимением (36).

- (36) *Bhí mé ag fanach-t [le do bhual-adh].*
 быть.PST я у ждать-NML с твой бить-NML
 ‘Я хотел побить тебя.’ [22, с. 277]

4.2. Синтаксическая позиция «поднятого» аргумента

Как уже говорилось выше, вынос налево возможен для субъекта и ПД. Если выносятся оба ядерных актанта, субъект предшествует объекту:

- (37) *Chuir sé cineál iontais orm*
 pst/положить он тип удивление/gen на_меня
 [Micheál Ó Maoláin mé a ions-aí].
 Михал_О’Мэлань я PRT напасть-NML
 ‘Я был немного удивлен тем, что Михал О’Мэлань на меня напал.’ [20, с. 1]

В мунстерских и коннахтских диалектах частица *a* перед глагольным именем при выносе обязательна. В донегольских диалектах *a* появляется только при выносе ПД. Таким образом, как отмечает О’Шиль [22, с. 258], в донегольской группе диалектов, в отличие от остальных, различаются конструкции с вынесенным подлежащим и с вынесенным прямым объектом, ср.:

- (38) *Ba mhaith liom [thú a phós-adh].*
 COP.SBJ хороший со_мной ты.ACC PRT жениться-NML
 ‘Я бы хотел(а) жениться на тебе (выйти за тебя замуж).’ [22]
- (39) *Ba mhaith liom [thú phós-adh].*
 COP.SBJ хороший со_мной ты.ACC жениться-NML
 ‘Я бы хотел(а), чтобы ты женился (вышла замуж).’ [22]

4.3. Тип зависимой предикации

Такой вынос возможен только в номинализации, но не в финитном придаточном.

4.4. Синтаксическая позиция зависимой предикации

Выноситься налево может аргумент номинализации, находящейся в определенном синтаксическом контексте, а именно: употребляющейся независимо; выступающей в роли СА; выступающей в роли сентенциального сирконстанта и вложенной при этом в группу одного из предлогов (задающихся списком). В мунстерских диалектах так же может кодироваться актант в номинализации – зависимом имени (см. п. 4.8).

4.5. Тип матричного глагола в конструкции с подъемом

Возможность выноса аргумента не зависит от типа матричного предиката. Вынос допустим при всех предикатах, принимающих номинализацию в качестве аргумента. Когда речь идет о сентенциальном сирконстанте – номинализации, вложенной в предложную группу, возможность выноса также не зависит от семантики вершины.

4.6. Допустимость альтернативной конструкции

В тех же синтаксических контекстах субъект может кодироваться группой предлога *do*, занимая при этом ту же линейную позицию – слева от глагольного имени – или адьюнктную позицию после глагольного имени и ПД. Некоторые контексты (группы предлогов, требующих генитива) допускают кодирование ПД номинализации генитивом, а субъекта – предложной группой в позиции адьюнкта. Напомним, что так же кодируются актанты номинализации, вложенной в группы предлогов, не допускающих «вынесенных» аккузативных аргументов, (33).

Так, предлог *tar éis* ‘после’ допускает следующие варианты кодирования ядерных актантов номинализации:

- (40) a. *Bhí brón uirthi [tar éis (di)*
 быть.PST тоска на_ней после для_нее
a féin a fhágail].
 ее RFL PRT оставить.NML
 ‘Она тосковала, после того как оставила своих детей.’
- b. ... [*tar éis fágál-a a clainn-e féin (di)*].
 после оставить.NML-GEN ее дети-GEN RFL для_нее
- c. ... [*tar éis a clann féin a fhágail (di)*].
 после ее дети RFL PRT оставить.NML для_нее
- d. ... [*tar éis (i) a clann féin a fhágail*].
 после она.ACC ее дети RFL PRT оставить.NML
 ‘= (40a)’

4.7. Тесты на составляющую

Номинализация с вынесенными аргументами образуют составляющую. Во-первых, такая конструкция может употребляться независимо (в тетическом предложении, вопросе или ответе):

- (41) *Dónall a bheith i ngrá an ea?*
 Дональд PRT быть.NML в любовь Q оно
 ‘Дональд влюблен, разве нет?’ [19]

Во-вторых, данная группа может топикализироваться или выноситься в клефт. Кроме того, номинализация с аккузативным аргументом может сочиняться с финитной клаузой:

- (42) *Is dóigh gur dhiol agus*
 COP мнение что.PST PST/продать и
[é a bheith in Árann].
 он PRT быть.NML в Аран
 ‘Мне кажется, что продал, когда он был
 на Аранских островах.’ [22, с. 285]

4.8. Структурные тесты

Аккузатив может присваиваться вынесенному аргументу в том числе тогда, когда у предиката матричной клаузы нет валентности на группу в этом падеже:

- (43) *An mbeifeá féin sásta [mé an ghirseach*
 Q быть-COND сам довольный я DEF девушка
a phósadh]?
 PRT жениться-NML
 ‘Ты не был бы сам рад, если бы я женился
 на девушке?’ [20, с. 1]

В актантной рамке предиката *bheith sásta* ‘быть довольным’ «несен-тенциальный» стимул кодируется предложной группой, а не аккузативом.

Вынесенный аргумент не сливается с предлогом – частью матричного предиката, как он делал бы, если бы был его актантом, ср. примеры (44) и (45):

- (44) a. *Thósaigh sé orm.*
 PST/начать он.NOM на_меня
 ‘Он принялся за меня’.
- b. **Thósaigh sé ar mé.*
 PST/начать он.NOM на я
- (45) a. *Thósaigh sé ar [mé a bhual-adh].*
 PST/начать он.NOM на я.ACC PRT бить-NML
 ‘Он принялся меня бить’.
- b. **Thósaigh sé orm a bhual-adh].*
 PST/начать он.NOM на_меня PRT бить-NML

Для мунстерской группы диалектов дополнительным свидетельством в пользу того, что вынесенный аргумент входит в группу номинализации, а не в ГП, служит возможность номинализации с аккузативной ИГ выступать в роли модификатора существительного:

- (46) *lá* [*feanma-i* *duibh-e* *a* *bhain-t*]
 день водоросль-PL черный-PL PRT рвать-NML
 ‘день собирать черные водоросли’ [22, с. 286]

Итак, мы показали, что вынесенные налево аккузативные ИГ являются элементами ЗП, а не ГП.

5. Заключение

В работе был рассмотрен материал трех языков, в которых зафиксированы конструкции, на первый взгляд, демонстрирующие сходство с подъемом в английском языке. Как мы показали выше, анализируемые выше конструкции не допускают трактовки в терминах подъема в позицию ПД. ИГ с аккузативом в них либо не занимает позиции ПД в ГП и, по всей видимости, в принципе не поднимается в ГП, либо, напротив, порождается непосредственно в этой позиции (глаголы восприятия в литовском). Как подробно аргументировано в работах П.М. Аркадьева, Н.В. Сердобольской, М.В. Шкапы [3; 10; 12; 15], аккузативная ИГ в рассматриваемых случаях может занимать позицию на левой периферии ЗП, как в калмыцком языке, либо находиться в своей базовой позиции, как в литовском. В ирландском языке маркирование не является базовым или свойственным какому-либо другому контексту и задается самой конструкцией [12]. Аккузативное падежное маркирование во всех рассмотренных случаях исходит не от матричного предиката, который может вообще не приписывать аккузатив, а скорее от конструкции в целом.

Библиографический список

1. Аркадьев П.М. Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 68–96.
2. Аркадьев П.М. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 4. С. 21–46.
3. Аркадьев П.М. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44–75.
4. Генюшене Э.Ш. Конвербы в литовском языке // Studia Typologica Octogenario Victoris Samuelis filii Khrakovskii dedicata (Acta Linguistica Petropolitana. Т. X. Ч. 3) / Отв. ред. С.Ю. Дмитриенко, Н.М. Заика. СПб., 2014. С. 157–180.
5. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология / Под ред. Санжеева Г.Д. Элиста, 1983.

6. Исследования по грамматике калмыцкого языка (*Acta Linguistica Petropolitana*. Т. V. Ч. 2) / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2009.
7. Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка (*Acta Linguistica Petropolitana*. Т. V. Ч. 2) / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2009. С. 525–587.
8. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.
9. Русско-калмыцкий словарь / Под ред. Илишкина И.К. М., 1964.
10. Сердобольская Н.В. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка (*Acta Linguistica Petropolitana*. Т. V. Ч. 2) / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2009. с. 581–622.
11. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
12. Шкапа М.В. Кодирование ядерных актантов номинализации в ирландском языке: Дипломная работа. М., 2009. Рукопись.
13. An Soiscéal Lúcas // An Bíobla Naofa. P. Ó Fiannachta a chuir in eagar. BÁC: An Sagart, 1981.
14. Arkadiev P.M. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective // *Linguistic Typology*. 2013. 17. № 3. P. 397–437.
15. Arkadiev P.M. Participial complementation in Lithuanian // *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective: Data-Driven Approaches to Cross-Clausal Syntax* (Trends in Linguistics. Studies and Monographs) / V. Gast, H. Diessel (eds.). Berlin, NY, 2012. P. 285–334.
16. Bhalldraithe, de T. English-Irish dictionary. Dublin, 1959.
17. Davies W.D., Dubinsky S. The Grammar of Raising and Control. London, 2004.
18. Graiméar Gaeilge na mBraithre Criostaí. BÁC: An Gúm, 1999.
19. Lithuanian Grammar / Ambrazas V. (ed.). Vilnius, 1997.
20. McCloskey J. Irish clauses: Three. Handout presented at FACL. Tucson, 2009.
21. Ó Dónaill N. Foclóir Gaeilge–Béarla. BÁC: An Gúm, 1977.
22. Ó Siadhail M. Irish grammatical structure and dialectal variation. Cambridge; NY; Melbourne, 1989.
23. Perlmutter D.M., Postal P.M. Some proposed laws of basic clause structure // D.M. Perlmutter (ed.). *Studies in Relational Grammar*. 1. Chicago; London, 1983. P. 81–128.
24. Postal P. M. 1974. On Raising. Cambridge; London, 1974.
25. Serdobolskaya N. Towards the typology of raising: a functional approach // *New Challenges in Typology. Transcending the Bordery and Refining the Distinctions*. (Trends in Linguistics/ Studies and Monographs) / A. Arkhipov, P. Epps (eds.). Berlin, NY, 2009. P. 269–295.
26. Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / R.M.W. Dixon (ed.). Canberra, 1976. P. 112–171.

О.А. ТЕУШ

Лексика с семантикой «излучина реки» в диалектах Европейского Севера России

В статье рассматриваются наименования излучины реки в диалектах Европейского Севера России. Этимологизируются лексемы с праславянскими корнями, анализируются описательные и метафорические наименования. Заимствованные из финно-угорских и европейских языков лексемы этимологизируются.

Ключевые слова: лексема, семантика, праславянский язык, заимствование, финно-угорские языки.

Европейский Север России изобилует реками. Наиболее крупными являются Северная Двина, Онега и Мезень. Издавна реки являлись основными путями передвижения: Русский Север осваивался по рекам и до сих пор большинство населенных пунктов находятся на берегах рек. Русла рек следуют окружающему ландшафту: «равнинные реки часто образуют излучины, или меандры, – плавные изгибы русла» [6, с. 61]. Специальных работ, посвященных лексике с семантикой «излучина реки», в русской лингвистике нет. Отдельные наблюдения по семантике слов с интересующим нас значением есть в книге В.Л. Васильева «Новгородская географическая терминология», где приводится ряд терминов, имеющих корень -*лук-* и значение «излучина», без интерпретации этимологии и семантики лексем [4, с. 177–190]. В обобщающем исследовании Н.И. Толстого «Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды» лексика, имеющая значение «излучина реки», не рассматривается [27]. В настоящей статье исследуется лексика с семантикой «излучина реки» в этимологическом аспекте.

Лексема *излу́чина* 'крутой поворот, изгиб реки' производна «с суфф. -*ина* от диал. *излук* 'крутой поворот реки', к диал. *лука* 'изгиб, кривизна' < **lōka* (др.-русс. ¹ *лука* 'изгиб реки; излучина, залив', укр. *лука* 'луг;

крутой изгиб реки'); производн. с чередованием гласных *e/o* от гл. **lękti* 'сгибать' [26, с. 291]. В этимологических словарях А.К. Шапошникова [33], П.Я. Черных [30], М.Ю. Евсеева [10] лексема отсутствует. Г.П. Цыганенко указывает, что «в русских словарях слово известно с XVIII в. Образовано с помощью суфф. *-ин-а* (как *извилина*) от вышедшего из употребления сущ. *излука*, в диалектах известного со значением 'крутой поворот' или 'изгиб реки, дороги и т.п.'» [29, с. 170]. Близкая информация приводится Н.М. Шанским и Т.А. Бобровой: «Суфф. производное от *излука* 'изгиб', преф. образования от *лука* 'извилина, поворот, изгиб'» [32, с. 105]. Это краткое толкование дополняется в «Кратком этимологическом словаре русского языка»: «образовано с помощью суфф. *-ина* от *излука*, сохранившегося в диалектах в значении 'крутой поворот, изгиб реки'» [31, с. 172]. Указание на признак номинации дается Е.Л. Березович и Н.В. Галиновой: «В слове *излучина* отражен признак изогнутой формы соответствующего географического объекта» [3, с. 146].

С тем же корнем в диалектах зафиксированы *лук* 'изогнутый участок реки или берега моря' (Помор.²) [17, с. 78], *излук* 'поворот, излучина реки' (Влг.: В.-Важ.) [21, т. 3, с. 13], (Костр.: Пыщуг.) [12], *перелуки* 'то же' (Новг.: Кр.) [18, вып. 13, с. 70], *прилук* 'то же' (Арх.: В.-Т., Кон., Мез., Пин.) [12], (Влг.) [22, с. 405].

¹ Сокращения в названиях языков и диалектов: блр. – белорусский язык; вепс. – вепсский язык; виш. – вишерский диалект коми языка; голл. – голландский язык; др.-русс. – древнерусский язык; др.-сканд. – древнескандинавский язык; и.-е. – индоевропейский язык; ин. – диалект инари саамского языка; карел. – карельский язык; кильд. – кильдинский диалект саамского языка; лат. – латинский язык; ливв. – ливвиковский диалект карельского языка; лул. – диалект луле саамского языка; люд. – людиковский диалект карельского языка; нв. – нижневычегодский диалект коми языка; нем. – немецкий язык; норв. – норвежский диалект саамского языка; общеперм. – общепермское; патс. – диалект патсойки саамского языка; польск. – польский язык; праслав. – праславянский язык; приб.-фин. – прибалтийско-финские языки; русск. – русский язык; саам. – саамский язык; сев.-русс. – севернорусские диалекты; сонг. – сонгельский диалект саамского языка; среднерусск. – среднерусские диалекты; терск. – терский диалект саамского языка; уд. – удорский диалект коми языка; укр. – украинский язык; фин. – финский язык; ф.-у. – финно-угорские языки; церк.-слав. – церковнославянский язык; эст. – эстонский язык.

² Сокращения в названиях административных районов и областей: Арх. – Архангельская обл.; Баб. – Бабаевский р-н Архангельской обл.; Бабуш. – Бабушкинский р-н Вологодской обл.; Бел. – Белозерский р-н Вологодской обл.; Бокс. – Бокситогорский р-н Ленинградской обл.; В.-Важ. – Верховажский р-н Вологодской обл.; Вель. – Вельский р-н Архангельской обл., Вельский уезд Вологодской

Семантика гнутья лежит в основе большинства наименований излучин. Диалектная лексика отражает образования от древнейших праславянских корней.

1. Корень **vei-/*voi-* (представлен в русск. *вить* 'изготавливать скручивая, сплетая или плетя' [26, с. 94], *вилять* 'делать крутые повороты, извиваться' [Там же]) выделяется в *вилю́га*, *вилю́шка* 'извилины, поворот' (Влг.) [8, т. 1, с. 204], *виру́к* 'излучина реки' (Арх.: Плес.), *вихрь* 'изгиб реки' (Влг.: Баб.) [12].

2. Корень **ver-/*vor-* 'вертеть' (< и.-е. **uer-* 'гнутья, прогибаться' [26, с. 80]) отражен в *завору́т* 'излучина реки' (Арх.: Карг.) [12], *за́вороток* 'то же' (Влг.: Сок.) [21, с. 105], *завору́ток* 'то же' (Арх.: Шенк.) [12], *коловору́т* 'то же' (Псков., Твер.) [8, т. 2, с. 138; 9, с. 85], *повору́тье* 'крутой изгиб, излучина реки' (Арх.: Он.) [23, т. 4, с. 598], *све́ртук* 'излучина, изгиб реки' (Влг.: Выт.), *све́ртыш* 'то же' (Карел.: Пуд.) [23, т. 5, с. 654]. С продленным вокализмом тот же корень представлен в *изва́ра* 'крутой изгиб, поворот реки' (Арх.: Карг.) [Там же, т. 2, с. 273].

3. Корень **gub-/*gyb-/*gъb-* (представлен в русск. *гнуть* 'придавать чему-н. дугообразную, изогнутую форму' [26, с. 158]) отмечается в лексемах *гбач* 'излучина реки' (Арх.: Вель.), *гibaк* 'то же' (Арх.: Вель., Вил.), *гibuль* (Влг.: Чаг.), *губина* 'то же' (Влг.: Вож.) [12] (ср. также *губа́* 'заливной луг в изгибе реки' (Яр.: Пересл.) [34, вып. 3, с. 113]), *огибель* 'изгиб реки' (Влг.: Вож.) [12], *загибель* 'изгиб в течении реки'

губернии; Вил. – Вилегодский р-н Архангельской обл.; Вин. – Виноградовский р-н Архангельской обл.; Влг. – Вологодская обл.; Влгд. – Вологодский р-н Вологодской обл.; Вож. – Вожегодский р-н Вологодской обл.; В.-Т. – Верхнетоемский р-н Архангельской обл.; В.-Уст. – Великоустюжский р-н Вологодской обл.; Выт. – Вытегорский р-н Вологодской обл., Вытегорский уезд Олонецкой губернии; Галич. – Галичский р-н Костромской обл.; Гряз. – Грязовецкий р-н Вологодской обл.; Кадн. – Кадниковский р-н Вологодской обл.; Карг. – Каргопольский р-н Архангельской обл.; Карел. – Республика Карелия; К.-Б. – Красноборский р-н Архангельской обл.; К.-Г. – Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской обл.; Кем. – Кемская волость Архангельской губернии; Кир. – Кирилловский р-н Вологодской обл.; Киров. – Кировская обл.; Кологр. – Кологривский р-н Костромской обл.; Кон. – Коношский р-н Архангельской обл.; Костр. – Костромская обл., р-н г. Костромы; Котл. – Котласский р-н Архангельской обл.; Кр. – Крестецкий р-н Новгородской обл.; Лен. – Ленский р-н Архангельской обл.; Ленингр. – Ленинградская обл.; Леш. – Лешуконский р-н Архангельской обл.; Люб. – Любутинский р-н Ярославской обл.; Мант. – Мантуровский р-н Костромской обл.; Медв. – Медвежьегорский р-н Карелии; Меж. – Межевской р-н Костромской обл.; Мез. – Мезенский р-н Архангельской обл.; М.-Реч. – Междуреченский р-н Вологодской обл.; Некр. – Некрасовский р-н Ярославской обл.; Нейск. – Нейский р-н Костромской обл.; Ник. – Никольский р-н Вологодской обл.; Новг. – Новгородская обл.; Нянд. – Няндомский р-н

(Арх.: Шенк.) [19, с. 61; 20, с. 48], (Арх.) [8, т. 1, с. 567], *пóгибь* 'излучина реки' (Арх.: Шенк.) [19, с. 162], (Арх.: Кем., Он., Шенк.) [20, с. 124].

4. Корень **kul-* (< и.-е. **kou-l-* 'гнуть, скручивать, сжимать') [26, с. 388] фиксируется в лексемах *кулі́га* 'крутой изгиб, излучина реки' (Арх.: Шенк.) [19, с. 96], (Влг.: Ник.) [22, с. 222], (Костр., Новг.) [8, т. 2, с. 216], (Арх.: Пин., Холм., Шенк.) [20, с. 78], *закулі́ка* 'то же' (Влг.: К.-Г.) [12], *закулі́сок* 'то же' (Арх.: Уст.), *выкулі́кивать* 'изгибаться, извиваться (о реке, дороге)' (Влг.: К.-Г.) [Там же].

Образования от праславянских корней с иной семантикой также представлены.

1. Корень **tok-* (связан чередованием гласных с **tekti* (русск. *течь*) [26, с. 986]) представлен в *отóк* 'круговая извилина реки, разделяющая полуостров' (Сев.) [8, т. 2, с. 626].

2. Корень **teg-* (< и.-е. **ten-k-*, ср. лат. *tendō* 'натягивать' [26, с. 1012]) отражен в *затя́жина* 'излучина реки' (Арх.: Холм.) [12].

3. Образованием от **vod-* с упрощением *-bv-* > *-b-* (> русск. *водить* [26, с. 100]) является *óбод* 'излучина, поворот реки' (Арх.: Кон.) [12], (Ленингр.: Бокс., Тихв.) [23, т. 4, с. 96].

4. Корень **volk-* (> русск. *волочь* [26, с. 952]) реализован в *на́волок* 'излучина реки' (Ленингр.: Сланц.) [23, т. 3, с. 303].

5. Корень **lom-* (< и.-е. [26, с. 415]) выявляется в лексемах *вѣ́лом* 'поворот реки' (Карел.: Пуд.) [23, т. 1, с. 271], *залóм* 'поворот, излучина реки' (Влг.: Выт.) [Там же, т. 2, с. 151], *перелóм* 'резкий изгиб русла реки' (Влг.: Выт.) [12].

Архангельской обл.; Он. – Онежский р-н Архангельской обл.; Окт. – Октябрьский р-н Костромской обл.; Опар. – Опаринский р-н Кировской обл.; Парф. – Парфеньевский р-н Костромской обл.; Пересл. – Переславский район Ярославской обл.; Пин. – Пинежский район Архангельской обл.; Плес. – Плесецкий р-н Архангельской обл.; Помор. – Поморье (побережье Белого моря); Пош. – Пошехонский р-н Ярославской обл.; Псков. – Псковская обл.; Пуд. – Пудожский р-н Карелии; Пышуг. – Пышугский р-н Костромской обл.; С.-Дв. – р-н г. Северодвинска; Сев. – север России; Сланц. – Сланцевский р-н Ленинградской обл.; Сок. – Сокольский р-н Вологодской обл.; Сол. – Солигаличский р-н Костромской обл.; Сольв. – Сольвычегодский уезд Вологодской губернии; Среднерусск. – средняя часть Европейской России; Сямж. – Сямженский р-н Вологодской обл.; Тарн. – Тарногский р-н Вологодской обл.; Твер. – Тверская губерния; Тихв. – Тихвинский р-н Ленинградской обл.; Тот. – Тотемский р-н Вологодской обл.; Уст. – Устьянский р-н Архангельской обл.; Устьс. – Устьсисольский уезд Вологодской губернии; Устюж. – Устюженский р-н Вологодской обл.; Халт. – Халтуринский р-н Кировской обл.; Хар. – Харовский р-н Вологодской обл.; Холм. – Холмогорский р-н Архангельской обл.; Чаг. – Чагодощенский р-н Вологодской обл.; Чухл. – Чухломской р-н Костромской обл.; Шар. – Шарьинский р-н Костромской обл.; Шенк. – Шенкурский р-н Архангельской обл.; Яр. – Ярославская обл.

6. Корень **strug-* (связан чередованием гласных с глаголом **stręgati* русск. *строгать* [26, с. 952]) отражен в *застру́га* 'излучина реки' (Арх.: Пин.) [12].

7. Лексема *корёни́ха* 'извилистый берег реки' (Арх.: Холм.) [12] отражает праслав. корень **rep-*, который связан чередованием гласных с **rob-* (русск. *рубить*) [26, с. 829].

8. Корень **chab-/chob-*, связанный чередованием со **skob-* и имеющий общую семантику 'скрести, скоблить' (ср. русск. *скоба́*) [26, с. 710, 1066] представлен в *захáбчик* 'излучина реки' (Арх.: Котл.), *хаби́к* 'то же' (Яр.: Некр.), *хóбот* 'изгиб реки, излучина' (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Плес., Холм.; Влг.: Бабуш., Вож., К.-Г., Ник., Сямж.; Киров.: Халт.) [12], (Влг.: Вель., В.-Уст., Ник., Сольв., Устьс.) [22, с. 542], (Арх.: Шенк.) [20, с. 183], *хоботи́на* 'то же' (Арх.: Шенк.) [19, с. 248], (Арх.) [8, т. 4, с. 555], *хоботи́стой* 'излучистый, кривой, извилистый' (Арх.) [Там же], (Арх.: Вил., Шенк.) [12], *хоботи́стый* 'то же' (Влг.: Вель., В.-Уст., Ник., Сольв., Устьс.) [22, с. 542].

Анализ семантики производящих корней показывает, что, с одной стороны, излучина воспринимается как результат медленного изменения объекта – реки, с другой стороны, появление излучины является результатом деструкции.

Ряд лексем описательного характера произведен от прилагательных. Наиболее частотны образования от *кривой* 'непрямой, изогнутый' [26, с. 380]: *криве́ц* 'излучина реки' (Костр.: Сол.), *криви́к* 'то же' (Костр.: Сол.), *кривля́к* 'то же' (Арх.: Лен.), *криву́лина* 'то же' (Арх.: Вин.), *криву́ль* 'то же' (Влг.: Баб., М.-Реч., Ник., Сок.) [21, т. 3, с. 125], (Киров.: Халт.; Костр.: Кологр., Мант., Меж., Нейск., Парф., Пыщуг.), *криву́ля* 'то же' (Арх.: Вин., В.-Т.) [12], (Влг.: Баб., М.-Реч., Ник., Сок.) [21, т. 3, с. 125], *криву́н* 'то же' (Влг.: В.-Важ.) [12], (Влг.: Сямж.) [21, т. 3, с. 125], *кривя́к* 'то же' (Влг.: Влгд., Гряз., Кадн., Тот.) [22, с. 216], *криуле́чек* 'то же' (Костр.: Кологр.), *криу́ль* 'то же' (Арх.: В.-Т.; Влг.: Сок.; Киров.: Халт.; Костр.: Галич., Кологр., Костр., Мант., Меж., Нейск., Пыщуг., Чухл.; Яр.: Люб., Пош.), *криу́ля* 'то же' (Влг.: Бабуш.; Костр.: Галич., Кологр., Костр., Мант., Меж., Нейск., Пыщуг., Чухл.; Яр.: Люб., Пош.), *криу́ля* 'то же' (Влг.: Бабуш.; Костр.: Галич., Меж., Нейск.), *закриву́ль* 'то же' (Влг.: Сок.) [12].

Иные отадъективные образования редки: *зако́сь* 'излучина реки' (Арх.: Котл.) [12] связано с *косой* 'не прямой, изогнутый' [26, с. 371], отмечено также прилагательное *око́листой* 'извилистый (о реке)' (Арх.) [20, с. 109] (< праслав. **kolo* 'колесо').

Некоторые лексемы производны от других географических терминов: *заводи́на* 'излучина реки' (Костр.: Галич.) [12], *мысо́вые* 'крутой поворот реки' (Арх.: В.-Т.) [Там же]. С лексемой *мыс*, вероятно, связано по происхождению *мышь* 'изгиб реки' (Влг.: Тарн.) [21, т. 5, с. 14].

Форма объекта провоцирует появление метафорических лексем: *голо́ва* 'излучина реки' (Влг.: Бел., Вож.), *го́рлышко* 'узкий проход, небольшое расстояние между началом и концом изгиба реки' (Киров.: Халт.), *желобник* 'крутой поворот реки' (Киров.: Халт.), *зано́га* 'изгиб реки' (Влг.: Бел.), *зоногу́ля* 'то же' (Влг.: В.-Важ.), *и́зголовь* 'крутой поворот реки' (Киров.: Опар.; Костр.: Мант., Меж., Пыщуг., Чухл.), *и́зголов* 'то же' (Костр.: Пыщуг.), *кала́ч* 'излучина реки, огибающая мыс' (Арх.: Карг.; Влг.: Устюж.) [12], *кишкí* 'извилины, излучины речки' (Твер.) [8, т. 2, с. 112], *коленó* 'излучина реки' (Арх.: Вин., Карг., Кон., Он., Плес., Холм.; Влг.: В.-Уст., Ник., Чаг.) *колéнистый* 'извилистый (о реке)' (Арх.: Он.), *ло́коть* 'изгиб, поворот реки' (Арх.: Вель., В.-Т., К.-Б.; Влг.: В.-Уст., К.-Г., Ник.), *мешо́к* 'изгиб реки' (Яр.: Пош.), *отно́га* 'излучина реки' (Костр.: Шар.) [12]. Отмечено одно имя прилагательное: *горбо́й* 'извилистый' (Арх.: Леш.) [2, вып. 9, с. 330]. При метафоризации преимущественно задействована анатомическая модель; две лексемы – *калач* и *мешок* – реализуют бытовую метафору.

Представлен ряд заимствований.

Боча́г 'излучина реки, вымоина у берега, поросшая травой' (Влг.: Баб.) [21, т. 1, с. 42], *боча́га* 'то же' (Карел.: Медв.) [26, т. 1, с. 103], *боча́жка* 'то же' (Влг.: Чаг.) [12]. Вторично к *боча́г* (*бача́г*, *бача́га*, *бачи́на*, *боча́га*, *бочажíна*) (сев.-русс., среднерусск.) 'глубокое место в реке или ручье, режа – в озере; омут, заводь, залив', 'часть реки между изгибами, плес', 'расширение устья реки', 'небольшой глубокий залив', 'яма с водой, небольшой пруд в русле пересохшей речки, ручья' (Сев., Среднерусск.), < саам. ин. *vuossu* 'длинное, узкое болото или залив', норв. *vuossu* 'болото, которое образуется водой текущего ручья' [37, с. 1825], *vuossu* 'болото, которое образуется при понижении уровня воды в ручье (при пересыхании ручья)' [35, с. 1072]. Подробнее см. работы О.В. Мищенко, О.А. Теуш [16, с. 48–51], а также А.Е. Аникина [1, т. 4, с. 127–128].

Букля́ 'изгиб, поворот реки' (Арх.: Вель., Карг., Нянд., Он., Плес., Шенк.; Влг.: Выт., Кир.) [12], *букле́* 'то же' (Влг.: Выт.) [12], *букли́сто* 'извилисто (о реке)' (Арх.: Шенк.) [12].

М. Фасмер сравнивает с голл. *bocht*, нем. *Bucht* и указывает, что это сравнение небезупречно в фонетическом отношении [28, т. 1, с. 237]. По мнению А.С. Герда, является древним образованием от *букать* 'издавать шум (о текущей, падающей воде)' [7, с. 97].

Вместе с тем возможно сравнение с коми нв., уд. *бугыль* 'круг', 'кружок', 'предмет, имеющий форму круга' [24, с. 64; 25, с. 111], < общеперм. **bug-* (*-ij-* – суффикс) [14, с. 41]. Однако для заимствования из коми необычна география.

Наиболее приемлемым является сопоставление с саам. патс. *põ'k'k'^E* 'узкое место реки или озера', сонг. *poǰk'k'^E* 'ложбина, низина (между горами)' [35, с. 391].

Винт 'излучина реки' (Арх.: С.-Дв.), *винтуль* 'то же' (Яр.: Некр.) [12]. Связано с литер. *винт* 'крепежное приспособление – стержень со спиральной нарезкой', *винтить* 'вертеть, завинчивая, ввинчивая', < польск. *gwint*, заимствованному из нем. *Gewinde* 'нарезка, резьба' [26, с. 93].

Кéрга 'крутой поворот, изгиб, излучина реки' (Арх.: В.-Т.), 'заливной луг в излучине реки' (Арх.: В.-Т.), *кéгра* 'земля, расположенная в излучине реки' (Арх.: В.-Т.), *кэрышка* 'то же' (Арх.: В.-Т.) [12].

Связано с фин. *käkkärä, käkkerä, käkkyri* 'локон, завиток', 'извилистый', вепс. *käkurda* 'завертывать', эст. *käkruda, käkerdada* 'то же', *käkrus* 'полностью закрученный, сомканный' [37, т. 2, с. 259]. Фонетически исходна форма *кегра*: вариант *кэрга* – результат метатезы.

Киба́к 'крутой поворот, изгиб, излучина реки' (Арх.: Вил.) [12].

Русская лексема может быть сопоставлена с фин. *kiperä* 'кривой, крючковатый, изогнутый', карел. ливв. *kiber* 'кривой, изогнутый', *ki-brakko* 'кривой, вогнутый', эст. *kibr* 'морщинка, складка' [37, с. 196].

Крюк 'излучина реки' (Влг.: Тот.) [12].

Вторично от литер. *крюк* 'металлический (или из другого прочного материала) стержень с резко загнутым концом', которое, наряду с укр. *крюк*, блр. *крук*, заимствовано из др.-сканд. *krókr* 'крюк' [26, с. 386].

Ку́лдыш, ку́лдышек 'высокое место в излучине реки' (Костр.: Меж.) [12].

Возможно, связано с саам. терск. *kuL'pa*, род. п. *kuL'pā* 'кусочек, ком', 'слиток, болванка' [35, с. 104]. В таком случае в результате освоения лексемы нужно предполагать переход -лб- > -лд-. Компонент 'излучина реки' в семантике слова перифериен.

Курга́н 'поворот реки' (Арх.: Кон.), *круга́н* 'изгиб ручья' (Арх.: Плес.), *круга́нчик* 'то же' (Арх.: Уст.) [12].

О.В. Востриков соотносил с широко распространенным на Европейском Севере России термином *курья́*, предполагая в вымершем финно-угорском языке-источнике форму **kurjan* [5, с. 22]. На наш взгляд, более приемлемым является сопоставление с мар. *Körgö* 'нутро, внутренность', 'полость', которое, возможно, соответствует фин. *Kurkki* 'горло' [14, с. 85], ср. также мар. *körgynčaiš* 'долбить, продолбить, выдолбить, выдалбливать', 'рыть, прорыть', 'копать, прокопать, прокапывать' [15, с. 232]. В этом случае надо предполагать мерянское происхождение. Интересны также саам. норв. *gurrå* 'отверстие, ущелье, углубление, дырка', лул. *Kurra* 'отверстие; узкое углубление, дырка', лул. *Kurra* 'отверстие; узкое углубление (проход) в горной тундре' [37, с. 247], которые более предпочтительны по лингвогеографическим причинам.

Лы́баз, лы́бас 'изгиб, излучина реки' (Влг.: Хар.), *лыба́зина* 'то же' (Арх.: Кон.) [12].

< Приб.-фин., ср. фин., карел. *liiva* 'ил, тина' [36, с. 157], фин. *liiva* 'ил, грязь, разбавленная кашеобразная или мокрая масса', *liiva* 'слизь', карел. *liiva* 'то же', ливв. *liivu* 'ил', люд. *liv, live* 'то же', эст. *līv* 'песок' [37, т. 2, с. 294], коми *лыа* 'песок', виш. *luva* 'песок' [14, с. 391], коми *лыа* 'песчаная отмель' [13, с. 391].

Семантически наиболее близкими являются данные коми, при этом надо предполагать семантический переход 'песчаная отмель' > 'излучина'. Лексема оформлена суффиксом *-as* с семантикой «отношение к объекту, обозначенному производящей основой».

Мег 'излучина реки' (Арх.: Леш., Пин.) [12], *мэзьё* 'речные излучины' (Помор.) [17, с. 80].

< Коми [28, т. 2, с. 588; 36, с. 73], ср. коми диал. *мег* 'излучина реки' [14, с. 171].

Порот 'изгиб русла реки' (Влг.: К.-Г.) [12].

< Саам., ср. саам. патс. *põrre* '(каменная) гряда', сонг. *põrre* 'пологий холм, сопка; каменистый холм', кильд. *põrre* 'выступ; угол', *põrvit^d t's* 'уголок' [35, с. 398]. С точки зрения семантики, наиболее близки кильдинские данные.

Хиб 'излучина реки' (Костр.: Окт.) [11, с. 325].

Связано с фин. *huuprä*, диал. *huypäle, huypäle, huupiö* 'холм, бугор, пригорок', 'довольно высокая вершина горы', 'болотный островок', 'береговой обрыв', эст. *hüüpes* 'маленький мысок' [38, т. 1, с. 202]. В семантическом отношении наиболее показательны эстонские данные.

Заимствования демонстрируют ситуацию, характерную в целом для всей лексики говоров Европейского Севера России: основной массив лексем заимствован из финно-угорских языков (саамский, коми, прибалтийско-финские языки), т.е. из языков местного населения. Две лексемы (*винт* и *крюк*) представляют собой слова европейских языков, пришедшие в диалект из литературного языка.

Таким образом, названия излучин реки в диалектах Европейского Севера России образуют достаточно обширную группу лексем, разнообразных с точки зрения происхождения. Корпус собственно русских лексем неоднороден: здесь, с одной стороны, представлено большое количество слов, являющихся дериватами праславянских корней; с другой стороны, присутствуют описательные образования и достаточно новые метафоры. Показательно то, что имеется большое количество заимствований, основным источником которых являются финно-угорские языки.

Библиографический список

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007.
2. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецевой. М., 1980–2001. Вып. 1–11.
3. Березович Е.Л., Галинова Н.В. Этимологический словарь русского языка (7–11 классы). М., 2013.
4. Васильев В.Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.
5. Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 3–45.
6. География: Земля. Люди. Мир в картах. М., 2012.
7. Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995. С. 85–107.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
9. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
10. Евсеев М.Ю. Современный этимологический словарь русского языка. История заимствованных слов: История заимствованных слов: ок. 1000 слов, пришедших в рус. яз. со всего света. М., 2009.
11. Живое костромское слово: Краткий костромской областной словарь / Под ред. Н.С. Ганцовской. Кострома, 2006.
12. Картотека «Словаря говоров Русского Севера». Хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.
13. Коми-русский словарь / Под ред. В.И. Лыткина. М., 1961.
14. Лыткин В. И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
15. Марийско-русский словарь / Под ред. И.С. Галкина. М., 1956.
16. Мищенко О.В., Теуш О.А. К этимологии русского диалектного *бочаг* // Русская диалектная этимология. Материалы IV Междуна. науч. конф. Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 48–51.
17. Мосеев И.И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.
18. Новгородский областной словарь / Под ред. А.Н. Левичкина, С.А. Мызникова. Новгород, 1992–1995, 2000. Вып. 1–12, 13.
19. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
20. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
21. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской. Т. 1. Вологда, 1983.
22. Словарь областного вологодского наречия. По рукописям П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
23. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий / Под ред. А.С. Герда. СПб., 1994.
24. Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978.
25. Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.

26. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008.
27. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 2006.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
29. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.
30. Черных П.Я. Истрико-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1994.
31. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
32. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М., 2002.
33. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников. Т. 1–2. М., 2010.
34. Ярославский областной словарь / Под. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
35. Itkonen T. I. Koltanjakuolanlapinsanakirja. Helsinki, 1958.
36. Kalima J. Syrjänisches Lehngutim Russischen. Helsinki, 1927.
37. Suomen kielen etymologinen sanakirja / Ed. Y.H. Toivonen. Helsinki, 1992.
38. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / Ed. E. Itkonen, U.M. Kuilonen. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

Аркадьев Пётр Михайлович – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения РАН; доцент Центра лингвистической типологии, Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник, Институт современных лингвистических исследований МПГУ. E-mail: alpgurev@gmail.com.

Бжигакова Дарина Мурадовна – аспирант кафедры литературы и журналистики, Волгоградский государственный университет. E-mail: darina-dana.63@mail.ru.

Бондарь Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук; доцент кафедры делового иностранного языка, Высшая школа менеджмента СПбГУ. E-mail: alstar@inbox.ru.

Дегтярева Анна Владимировна – аспирант Учебно-научного центра лингвистической типологии, Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; преподаватель кафедры восточных языков, Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: mikonito@yandex.ru

Козеренко Елена Борисовна – кандидат филологических наук; заведующий лабораторией компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН; заведующий кафедрой компьютерной лингвистики и формальных моделей языка, Институт современных лингвистических исследований МПГУ. E-mail: kozerenko@mail.ru.

Королева Мария Викторовна – старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: mairi.koroleva@gmail.com.

Сердобольская Наталья Вадимовна – кандидат филологических наук; заведующий лабораторией лингвистической типологии, Институт современных лингвистических исследований МПГУ; старший научный сотрудник группы финно-угорских языков, Институт языкознания РАН; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии, Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: serdobolskaya@gmail.com

Теуш Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: olga.teush@yandex.ru.

Шкапа Мария Валерьевна – кандидат филологических наук; научный сотрудник лаборатории лингвистической типологии, Институт современных лингвистических исследований МПГУ. E-mail: mashashkapa@gmail.com.

About the authors

Arkadyev Peter M. – PhD in Philology; Senior Researcher of Department of Typology and Comparative linguistics, Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Centre of linguistic Typology, Institute of Linguistics of Russian State University for the Humanities; Leading Researcher, Institute of Modern Linguistic Research of Moscow State University of Education. E-mail: alpgurev@gmail.com.

Bondar Vladimir A. – PhD in Philology; Associate Professor, Department of Business Foreign Language, Graduate School of Management, St. Petersburg State University. E-mail: alstar@inbox.ru.

Bzhigakova Darina M. – Postgraduate Student of Department of Literature and Journalism, Volgograd State University. E-mail: darina-dana.63@mail.ru.

Degtyareva Anna V. – Postgraduate Student at the Research Centre for Linguistic Typology, Institute of Linguistics of Russian State University for the Humanities; Instructor of Japanese, Russian State University for the Humanities. E-mail: mikonito@yandex.ru.

Koroleva Maria V. – Senior Lecturer at the Chair of Theory of Teaching Foreign Languages, Department of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: mairi.koroleva@gmail.com.

Kozerenko Elena B. – PhD in Philology; Head of the Laboratory of Computational Linguistics and Cognitive Text Processing Technologies, Federal Research Centre «Information and Management» of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Computational Linguistics and Formal Language Models, Institute of Modern Linguistic Research of Moscow State University of Education. E-mail: kozerenko@mail.ru.

Serdobolskaya Natalia V. – PhD in Philology; Associate professor of the Training and Research Centre for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities. E-mail: serdobolskaya@gmail.com.

Shkapa Maria V. – PhD in Philology; Researcher of Linguistic Typology Laboratory, Institute of Modern Linguistic Research of Moscow State University of Education. E-mail: masha_shkapa@gmail.com.

Teush Olga A. – PhD in Philology; Associate Professor of Department of Russian Language and General Linguistics, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after First President of Russia B.N.Yeltsin. E-mail: olga.teush@yandex.ru.

V. BONDAR

Between perfect and preterit: *habban* (*hæfden*) + past participle in the Old English texts

The given article deals with a functional analysis of the properties of *habban* (*hæfden*) + participle II in Old English based on the “Anglo-Saxon Charter” and “Catholic Homilies I” by abbot Aelfrich. The author draws a functional demarcation in the use of the construction with the possessive verb, on the one hand, and simple preterits as well as preterits with prefix *ge-*, on the other. An in-depth analysis of the retrieved contexts allows to claim that *habban* (*hæfden*) + participle II usually functioned as an aspectual-pragmatic marker. It could also assume a text-forming function, whereas its taxis-temporal characteristics were apparently underdeveloped.

Key words: Old English, perfect, preterit, preterit with prefix *ge-*, taxis, variation of verbal forms.

D. BZHIGAKOVA

The fiction of Tom Maccarthy in anglophone criticism

The article is devoted to the analysis of the perception of contemporary British writer Tom Mccarthy's novels in English and American literary criticism, including scientific works and the response in mass-media. The research points out the writer's place in contemporary literary process, compares positive and negative reviews and designates the most critically observed topics of the novelist's artistic objectives, such as traumatic experience, the relation of text and its reproduction, a search of identity.

Key words: contemporary English novel, problem, Tom Mccarthy's novels, poetics, author image, literary criticism, literary text.

A. DEGTYARYOVA

Structural features of Japanese representation form with the suffix «tari» in fictional prose, online texts of diaries and spoken language: comparative quantitative corpus-based analysis

The article is devoted to the corpus research of structural features of Japanese representation form with the suffix «tari». We distinguish the following parameters relevant for description of the structure of this construction: presence/absence of an auxiliary verb, the number of «tari-form» in one construction and the syntactic position of the whole construction in a sentence. We will show how these parameters are related to each other in different types of discourse.

Key words: Japanese syntax, representation, corpus-based research, *tari*-form, comparative quantitative analysis.

E. KOZERENKO

Syntactic Polysemy and Ambiguity in Machine Translation Perspective

The paper focuses on the issues of establishing semantic content of syntactic structures via the contrastive study of the English and Russian language systems and parallel texts analysis for the tasks of machine translation. Particular attention is given to consideration of syntactic polysemy and ambiguity, and the mechanisms of polysemous structures presentation are proposed. The decisions are worked out on the basis of projecting the functional values through the traditional categorial meanings of language units and structures. The syntactic polysemy is understood as the immediate realization of more than one categorial head meaning within the same language structure. The phenomenon of syntactic polysemy determines the possible multiple transfer scheme for a given language pattern. The system of multivariant transfer rules is designed to be further specified by machine learning methods.

Key words: machine translation, syntax, semantics, transfer, linear structures, disambiguation.

M. KOROLYOVA

Language situation in Scotland: history and modern status of Scottish Gaelic

The article offers an account of the historical development of Scottish Gaelic with an emphasis on language contact, and describes the language situation in modern Scotland. The author takes an advantage of a complex approach comprising comparative, historical, statistical and other methods.

Key words: the minority languages of Europe, Scottish Gaelic, Scottish Gaelic history, the language situation in Scotland, Gaelic population of Scotland, Gàidhealtachd.

N. SERDOBOLSKAYA, P. ARKADIEV, M. SHKAPA

Raising and related phenomena: non-canonical argument marking in argument and adjunct clauses

The work is focused on non-canonical argument marking in embedded clauses in Kalmyk, Lithuanian and Irish. We consider constructions similar to subject-to-object raising in English. In all the three languages subjects (in Irish, subjects and objects) of embedded clauses can be marked with the accusative, which is unacceptable for canonical transitive verbs in independent sentences.

Key words: subordination, complementation, complement clauses, adverbial clauses, raising-to-object, Kalmyk, Irish, Lithuanian, argument promotion, left periphery

O. TEUSH

Lexis of the semantics of «the bend of the river» in the dialects of European north of Russia

The article is focused on the names of the bend of the river in the dialects of European North of Russia. The author presents etymology of the lexemes with orthodox roots, analyzes descriptive and metaphoric names as well as the lexemes borrowed from Finno-Ugric and European languages

Key words: lexeme, semantics, Proto-Slavic language, borrowing, Finno-Ugric languages.

Издание
подготовили
к печати:
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Верстка –
В.Ю. Ступак

РНЕМА. РЕМА

Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова
Серия «Филологические науки»

2016.1

Электронная версия журнала: www.mpgu.ru

Сдано в набор 17.03.2016 г. Подписано в печать 30.03.2016 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman»
Объем 7,5 п. л.